
Екатерина НАГОВИЦЫНА

ЭНГЕНОЙСКАЯ ВЕДЬМА

*Посвящается
тем самым четверым женщинам врагам*

«Как же сильно я устал», — пронеслась в голове Игоря неоригинальная мысль. Последнее время она все чаще не давала покоя. Хотелось спать. Сказывался многодневный недосып. Но все не так просто. Надо собраться. Собрать мысли, силы, волю и добить разработку предстоящего выхода разведрот на зачистку небольшого села. Времени в обрез. Выход, кажется, самый обычный. Можно даже сказать, рядовой, но... Вот это «но» не давало подполковнику покоя. И задача нехитрая, вполне в рамках боевых действий: контролирование зоны ответственности в горно-лесистой местности Чеченской республики. Участок — несколько десятков километров, в масштабах карты совсем не большой и не такой уж сложный. Но то, что хорошо да ладненько на бумаге, то очень заковыристо на овраге. На земле, за которую в данное время нес ответственность отряд подполковника Игоря Андреевича Василевского, орудовала банда. И дело это, в общем-то, обычное, и даже закономерное в условиях идущей здесь войны. Правда, до этого отряд и банда как-то вполне сносно сосуществовали рядом, просто зная о наличии друг друга, особо не контактируя и не досаждая различными неприятностями. Командиры, которые заступали до Игоря, руководствовались простыми человеческими соображениями:

— Война идет, и пусть идет себе тихонечко стороной. Наше дело — отсидеть положенный срок и приехать домой, вернув мамкам и папкам живой личный состав. А подвиги и яростные атаки — это для героев кинолент.

Нет, конечно же, на службу никто не забивал. Все было продумано и отточено до мелочей. Каждый знал, что должен делать в случае неожиданного нападения на расположение. Все же сказывался опыт первой чеченской кампании — выводы делать научились быстро.

Василевский за военной романтикой тоже не гонялся. По опыту знал, что ничего особо здесь не изменишь и войну не победишь, а вот смотреть в глаза убитых горем родителей придется. Он становился старше и, наверное, сентиментальнее: больше стал ценить семью и уют домашнего очага. Да и чего греха таить — с женой ему повезло. Ольга была замечательная женщина. Так сказать, всеми качествами обладала — красивая, ладная, и, даже слегка раздавшись после вторых родов, стала еще привлекательнее в его глазах. Заботливая к нему и детям. Умело и споро вела их нехитрый офицерский быт. Веселая и легкая характером. Жить с ней было одно удовольствие, и последнее время Игорь начал замечать, что в командировках вдруг стал все больше и больше тосковать по дому, по жене, по сыновьям. А ведь раньше этого не было. Уезжал легко, приезжал легко.

Екатерина Семеновна Наговицына родилась в 1978 году в городе Свердловске. Окончила Екатеринбургский техникум и три курса Уральской академии государственной службы, когда поступило предложение служить Родине. Майор спецподразделения. Участник боевых действий. Кавалер ордена Мужества. В 2012 году окончила Юридический институт. В 2011 году заняла первое место в литературном конкурсе МВД России «Доброе слово». Живет в Екатеринбурге.

«Старею», — подводил итог размышлениям Василевский.

Так вот, в последнее время что-то изменилось в состоянии дел на его линии фронта. Что ни рейд, то какое-нибудь ЧП — то обстрел, то подрыв. Засады устраивались грамотно, и выскакивали бандиты, как черти из табакерки. Что ж за ерунда такая?! Но царапала другая мысль: откуда у чехов информация по маршрутам. И ответом на это было единственное предположение, от которого подполковник пытался внутренне отрешиваться: сливает кто-то, и этот кто-то совсем близко. Доступ к оперативной информации имеет и пользуется этим, паскуда. Игорь Андреевич не привык опираться только на предположения. Его пытливый ум требовал неопровержимых фактов, доказательств, и вот тогда бы рука не дрогнула. Лично бы списал предателя на неизбежные потери. Многого мог понять и простить Василевский — сказывалась жизненная мудрость в понимании других людей, их поступков; и лишь когда сталкивался с подлостью и предательством, внутри начинал просыпаться жестокий и безжалостный зверь. Но негласные проверки ничего не давали, значит, утечка может идти и выше, в совсем иных эшалонах власти. От этого на душе становилось совсем тоскливо.

У входа в палатку послышался стук ног о деревянный настил. Даже не оборачиваясь, Игорь легко смог представить, как командир второй разведроты, Саня Крушнов, сейчас безуспешно пытается сбить липкую, пластилиновую грязь с берцев. Василевский мог бы поклясться своим подствольником, что Саня при этом с удивлением разглядывает собственные ноги, как будто никогда ничего подобного не видел. Такое выражение постоянно присутствовало на его лице — крайней степени заинтересованности и легкого удивления. Точно так же он разглядывал новичков, карту, еду в котелке и трупы боевиков. Игорю симпатичен был этот немного флегматичный командир.

В душе опять заворочалось гадкое подозрение — а вдруг именно Саня сливает данные? Но даже под прессом внутренней паранойи не получилось связать Крушнова с боевиками. Невысокий, коренастый, немногословный, умело и спокойно вел он свой счет с бандитами. А счета, по которым надо было платить, были у всех. Тут же вспомнилось, как после первой засады, устроенной боевиками, ходили они среди погибших ребят. Игорь пытался держаться деловито, маскируя подсчетом потерь свою растерянность от нарушенного перемирия. Вот ведь понимал, что нельзя расслабляться с этими шакалами. Сам в душе не верил в то, что постоянно будет так спокойно и ладно, но все равно эта первая засада застала всех врасплох. Не досчитались одного, командира группы, лучшего друга Сани — Федора. Саня метался с несвойственной для него скоростью среди изломанных, исковерканных тел, переворачивая парней лицом кверху и называя каждого по имени. И от этой переключки Василевскому становилось не по себе. Когда пересчет пошел на третий круг, он не выдержал и крикнул:

— Нет его! — И Саня остановился, замер, посмотрел на него с неизменным удивлением и, как будто не слыша слов Игоря, повторил:

— Его нет.

В этот момент их позвал один из бойцов, которые осматривали пути отхода боевиков. Саня бросился туда. У тропы, всего в десятке метров от места засады, лежало истерзанное тело Федора. Окрыленные легкой победой и ощущением безнаказанности, покуражились бандиты на всю катушку.

— Как же так, братан... — шептал Саня, пытаясь оправить форму на друге, но разодранная ткань в засохшей крови не хотела ложиться как надо и все время топорщилась, открывая изуродованное тело.

Вечером Саня попытался выпить. Сидел на камне, вглядываясь в темнеющую

зеленку горного перевала, а водку, которую пил из горла, закуривал сигаретами, одну за другой. К нему никто не подходил. Было понятно, что никто не сможет сказать ему ничего утешающего. Умер его друг настолько страшно, что все слова были пусты и бессмысленны. И только заместитель командира, майор Васеев, попробовал похлопать его по плечу, держись, мол. Саня только дернулся, как будто его ошпарили, но не обернулся.

Игорю тогда тоже хотелось выпить. Сидеть и молчать, а может, наоборот, выговорить всю досаду и внутреннюю боль, но нельзя. Весь личный состав был подавлен этой первой потерей, всем было тяжело, и не хватало еще командиру дать слабину, считай, враги деморализовали противника, а значит, выиграли, победили, добились своей цели. Игорь ввел усиление и сам всю ночь не спал, обходя посты, вглядываясь в темноту, прислушиваясь к беспокойной, условной тишине кавказской ночи.

А на следующий день вывезли тела в Моздок и отправили бортом домой. Саня сам утром подошел и попросился сопровождать груз 200. Игорь дал добро и даже предложил ему остаться дома после похорон, но Саня, отрицательно качнув головой, сказал:

— Я вернусь с заменой.

И вернулся. Привез замену.

А после этого, собранный, готовый к работе, со злым задором выдвигался на зачистки и проверки. Наверное, никто в отряде не искал с таким остервенелым рвением боевиков и не предвкушал «радость» встречи.

Палаточный полог хлопнул и с потоком холодного ночного воздуха, как и предполагалось, вошел Саня и сразу спросил:

— Ну что, командир, во сколько выдвигаться будем?

— Будем, — Игорь поднял красные от недосыпа и давления глаза.

— Предлагаю часиков в шесть, так сказать, с первой зорькой.

— Можно и в шесть, только вот что-то беспокойно мне последнее время.

— Ты знаешь, а мне как раз в последнее время очень спокойно. Так что не переживай. Завтра пройдемся на мягких лапах. Глядишь, и зацепим ублютков.

Игорь грустно усмехнулся:

— Зацепим. Каждый раз сами же на их фокусы нарываемся. Течет откуда-то, Саня, ой течет...

Помолчали. Ротный внимательно посмотрел на Игоря и произнес вслух то, о чем уже давно думал и Василевский:

— Может, у Тамары спросишь?

— Спрошу. Иди, отдыхай, завтра вставать рано. Перед выходом отдельно всем все доведу.

Саша вздохнул и, не прощаясь, вышел из палатки.

Тамара — отдельная история. Приехала она с заменой, после того как погибла первая группа. Снайпер каких поискать надо. Яркая, крепкая, с красивыми волнистыми каштановыми волосами, чересчур заметная для этого места, она внушала благоговейный ужас всем, начиная от командования и заканчивая личным составом. Был у нее, помимо снайперского таланта, еще один необычный дар — предвиденье. Про это на людях молчали, но за глаза говорили про нее просто, по-деревенски — ведьма. Было что-то в ней действительно завораживающее и пугающее.

Вот и когда Саня хоронил своего друга Федора, черный от горя стоял у могилы, подошла она к нему и тихонько шепнула:

— Не рви душу, ты Их найдешь и не ошибешься, знак на Каждом будет.

И сразу как отпустило Сашку, — словно незримый ветерок души коснулся. Снова

стал спокойный, как всегда. Вот только на выходах и зачистках пристально в чехов вглядывался. Пытался понять, что за знак такой предречен.

Игорь почувствовал легкий запах корицы и за секунду до того, как прошуршал полог, понял, что вот и она — легка на помине. На пороге выросла Тамара.

— Разрешите?

— Проходи.

С царской осанкой, плавно подошла и села напротив командира.

— Разговор у меня к тебе серьезный, Игорь Андреевич.

— Ну... — протянул тот, теряясь в догадках.

— Ты только выслушай спокойно, без сердца. Просьба у меня к тебе, считай, что деликатная, личная, — и ошпарив взглядом командира, договорила, — напарница мне нужна.

— А где я ее возьму, напарницу-то? — не понимал Игорь.

— В этом все и дело. Завтра придет девица просить перевод в нашу бригаду, там, дома. Позвони командиру, попроси, чтоб взяли и сюда по возможности скорее прислали.

Василевский аж задохнулся, махнув рукой.

— Да ты что, Тамара! Что ты такое говоришь. Кто придет, куда придет, что я Викторовичу скажу? Да ты себе это представляешь? Как комбригу объясню, чтоб он мне еще одну бабу сюда прислал?!

— Не бабу, — Тамара уперла в него свои огромные зеленые глазищи, и от этого стало не по себе.

— Извини. Ну, не бабу, девицу эту. Ее в глаза никто не видел, да и как ее сюда заслать.

— Будет оказия. Точно.

Игорь вскочил со стула и стал мерить палатку шагами, пытаясь найти хоть какие-то доводы.

— Тамара, ты же знаешь, как мы все к тебе относимся. Ты только пальцем ткни, и любой из пацанов за честь сочтет с тобой двойкой быть. Ну что за блажь такая, а?!

— Я хоть раз у тебя что-то просила?

— Нет.

— Так вот сейчас прошу. Пойми, нужна она мне. Не могу объяснить, но нужна. Вот когда она придет, тогда я тебе вычислю, кто бандитам информацию сливает, а пока силы не хватает.

Игорь поперхнулся.

— Бред какой-то. Такое ощущение, что я сплю. Тамара, ты что — хочешь меня на смех поднять?!

— В чем смех?

— Да во всем! — он почувствовал, что внутри закипает. — Тебе-то здесь не место, а тем паче еще одной. Давай сделаем меня командиром бабского батальона, чтоб чехам веселее воевать было.

— Ты, Андреич, не заводись. Говоришь сейчас не свои слова, да и мысли не твои. А вот чьи?

Василевский промолчал, понимая, что сказал явно лишнее. А Тамара продолжала, глядя ему в лицо:

— Ты просто не видишь эту ситуацию, как ее вижу я. Пойми одно: в жизни мы все время сталкиваемся с выбором, а потом с этим выбором надо будет жить, — и, как будто подбирая слова, добавила. — Сейчас не поможешь мне, потом не кляни судьбу за потерю младшего сына.

Игорь даже головой замотал от неожиданного поворота.

— Ты что! Ты что! Пашка-то тут каким боком?!

— А таким. То, что ты некоторые связи судеб не понимаешь, не означает, что их нет. Так что выбирай. Не хотела я тебе это говорить, но извини — пришлось.

Игорь почувствовал, как защемило душу ледяющим ужасом, ковырнул хорошо скрываемый страх за семью, за сыновей — а вдруг...

И каким -то не своим голосом просипел:

— Да как я комбрига об этом попрошу?

— Не переживай. Скажи Викторовичу, что я просила, а дальше все само устроится как надо. — И направилась к выходу. Вдруг остановилась, прислушавшись к тишине, и, кивнув, пробормотала:

— Пусть Иргин и Буровой завтра на зачистку не идут, мамки за них сильно молили. И выходить надо в пять. Так оно надежнее будет. — И вышла, оставив за собой легкий запах корицы и ошарашенного Василевского. Тот лишь в растерянности пробормотал:

— Мамки какие-то... веревки из меня вьет, ведьма.

* * *

В пять уже всех построили. Сонные солдаты зябли в утреннем тумане и ежились в бушлатах. Игорь довел основную задачу. Раздал последние указания командирам разведрот и, уже перед тем как скомандовать на выход, объявил:

— Иргин и Буровой: выйти из строя!

Два молоденьких солдатика, с непониманием глядя на Василевского, вынырнули из шеренг.

— Заступаете сегодня в наряд по кухне. Остальные — по машинам.

Засуетились. Крушнов первый залез на броню. Удобнее усаживался и вглядывался в предзвездные сумерки, нежно поглаживая автомат, словно охотничью собаку. У Василевского зануло в груди: «Точно старею. Нервы кончились».

На последнем бэтээре взгляд выхватил Тамару, в горке, брезентовой бандане, практически не отличимую от других бойцов. Та кивнула ему, и в это время машины тронулись, быстро выкатываясь колонной на дорогу, ощерили стволы в разные стороны, и, обдав оставшихся гарью выхлопных газов, рванули, набирая скорость.

Василевскому нестерпимо захотелось перекрестить удаляющиеся машины, но он сдержался. Как-то нелепо это будет выглядеть. Игорь Андреевич резко развернулся и быстрым шагом, пытаясь оторваться от щемящего чувства тревоги, направился к штабной палатке. Там, почему-то, не отдавая себе отчета, пристально оглядел все углы. Лишь убедившись, что точно один, достал спутниковый телефон. Посидел и, как бы собравшись с силами, стал быстро, чтобы не передумать, набирать череду цифр. Пока ругал самого себя за несвойственную слабину, щелкнуло соединение. Игорь просиял:

— Оленька, привет. Это — я!

— Здравствуй, родной. Как ты?

— Нормально, не переживай. Как пацаны?

А жена уже торопилась, экономя драгоценные минуты, и, как всегда, пыталась вложить максимум информации в минимальный промежуток времени. Но главное — прочувствовать душой, все ли в порядке.

— Все хорошо. Костя четверть без троек закрыл. Сочинение написал на пятерку, хочет, как ты, быть командиром.

Игорь улыбнулся, она же продолжала, почти не делая пауз, зная, что связь может неожиданно оборваться, и когда опять услышит родной голос, неизвестно.

— Пашка вчера упал в садике, колени в кровь разбил, но даже почти не плакал. Воспитательнице сказал, я — мужчина!

В груди тягуче заныла тревога, и, чтобы скрыть ее от женской прозорливости Игорь заговорил с нарочитой веселостью.

— А ты представляешь, Оль, вчера Тамара подходила и просила напарницу себе прислать, девицу какую-то.

На другом конце провода повисла тишина. И вопреки, а может, наоборот, в поддержку некоему тайному желанию Игоря (он бы и сам сейчас точно не определил), вдруг ответила:

— Тамара просто так просить не будет. Помоги. Позвони Викторовичу.

Разговор с Ольгой утвердил его в уже, в общем-то, принятом решении. Но нужна, нужна была поддержка от самого близкого человека, от той, кому он всецело доверял. Он сразу, чтобы не растерять уверенности, набрал номер командира бригады. Олег Викторович на удивление спокойно выслушал немного сумбурное объяснение и ответил, что если какая-нибудь женщина действительно сегодня придет устраиваться, да еще и будет подходить по всем параметрам, то возьмет. А там будь что будет.

Такого Василевский, честно говоря, не ожидал. Не предполагал, что так легко сложится разговор с комбригом. И, отключив трубку, уставился на маленькую иконку Божьей матери, которую дала жена еще перед первой командировкой.

— Дальше все в воле Божьей, я сделал, что мог.

И стало вдруг Игорю легко на душе, как от правильного поступка.

* * *

Все сложилось так, как, видимо, и должно было сложиться: через три недели бюрократическая машина Минобороны, поразив непривычной скоростью и оборотистостью, прислала в отряд молодую девчонку. Ее уже ждали, слухи о прибытии долетели до отряда и, обрастая фантазиями и домыслами, живо смаковались личным составом.

Сверхъестественного в ней не было ничего: среднего роста, короткая стрижка, серые глаза, волевое лицо, негромкий голос. Ничего, кроме одного: еще никто и никогда из женщин не переводился так стремительно и легко. Да еще сразу в командировку. Все, от Василевского и его заместителей до рядового состава, разглядывали ее даже не как представительницу другого пола, а как некое чудо. Один из солдат, глядя, как она ловко спрыгнула с «Урала», доставившего девушку и продукты из Ханкалы, ляпнул что-то скабрезное. Стоящие вокруг дружки громко заржали, не заметив, как из-за спин вынырнула Тамара.

— Кто еще раз такое скажет или даже подумает, тот до дембеля не доживет. Это я вас не пугаю, а как старший товарищ предупреждаю.

И, не оборачиваясь, пошла к штабной палатке, оставив за собой гробовое молчание.

Больше желания болтать ни у кого не появилось. Все уже знали, по чьей рекомендации новенькая оказалась здесь. Да и не о чем было судить-рядить: пацанка и пацанка, даже имя какое-то не совсем девичье — Кира.

Девчонка оказалась простой, без амбиций и закидонов, спортсменкой в прошлом, мастером спорта по биатлону, решившей пойти по стопам отца и служить Родине. Сама не ожидала, что все так у нее сложится, без препон, явно не понимала, чем вызвала такое пристальное к себе внимание. С детства знала, что уважение надо заслужить. Ощущая некий аванс, выданный высшими силами, пыталась постоянно доказывать, что достойна.

Войдя в штабную палатку, представилась, подала Василевскому документы. Тот быстрым взглядом окинул ее. Внутренний страх (а вдруг прибудет какая-нибудь сногшибательная роковая красотка, и покой во вверенном ему отряде будет утрачен) пропал. Девчонка, по его внутреннему чутью, была правильная. Игорь для приличия задал ей какие-то обязательные вопросы, из серии «как добралась, готова ли нести службу и есть ли какие-либо пожелания?». И, удовлетворившись краткими ответами, кивнул в сторону двери и сказал:

— Ну, тогда, Кира, поступаешь в личное распоряжение капитана Вьюжевой. Знакомьтесь.

Кира обернулась, вздрогнув от неожиданности, — за спиной стояла женщина.

Она улыбалась и, шагнув, протянула руку:

— Тамара. С приездом.

— Очень приятно. Кира.

Василевский остался доволен эффектом:

— Устраивайся, осматривайся и приступай к выполнению своих обязанностей. Тамара тебе все объяснит и покажет.

Обе вышли из палатки. С души словно не камень свалился, а глыба. Пусть будет женская снайперская двойка, вон у чехов полно было прибалтийских и украинских снайперш, и ничего, как-то находили общий язык, а у них вековые традиции и шариат. Правда, такого благодушия не разделил зам и старый приятель, с которым Василевский окончил артиллерийское училище, майор Васеев.

— Ну что за чушь?! Зачем нам эти бабы! Ну вот объясни ты мне, Игорь, почему ты позволил. Насмешка какая-то над тобой. Тамара навязалась на нашу голову, теперь эта пигалица еще приперлась. Дома им, видишь ли, не сидится, подвиги подавай.

— Ладно, Володя, не накручивай себя. За время службы у Тамары никаких нареканий не было. Да и дар ее нам на пользу. К тому же новенькая, вроде, девчонка не плохая.

— Ой, да какой дар! Крутит из вас веревки. Охота себя начальницей почувствовать, вот и наводит тень на плетень. Не верю.

— Однако дело свое знает на пять с плюсом. Есть чему поучиться. Да и счет с врагом ведет. Чего тебе еще надо?

— Мне надо, чтоб этих баб рядом с нашим отрядом не было. Не место им на службе и тем более на войне. Детей пусть рожают и мужиков с работы ждут. А здесь, вот помяни мое слово, устроит еще эта двойка нам делов.

Васеев зло закурил, отвернувшись к маленькому окошку, через которое все равно ничего не было видно.

«Эх, кипит Вовка, устал, начинает раздражаться», — отметил Василевский, глядя в упрямую широкую спину товарища.

Сколько помнил Игорь Васеева, тот всегда быстро заводился. Но всегда по теме. «Темперамент», — говорили про него. Душой болел за дело. Тем более, что спецом был отличным. Можно сказать, воином с плаката «Будь мужчиной — отдай долг Родине». Высокий, статный, широкоплечий, с красивым, немного суровым лицом. Сильный и ловкий. Еще до училища сумел сдать на черный пояс по каратэ и иногда демонстрировал что-нибудь из Брюса Ли и ему подобных. Был в почете среди курсантов и даже преподавателей. Так как всегда стоял за справедливость. Однажды, еще в начале первого курса, чуть не вылетел из училища за то, что крепко поколотил второкурсников, которые пришли к ним в расположение после отбоя и начали качать права перед малолетками, пытаясь указать, где их место и как положено обращаться со старшими. Старшекурсников было пятеро, но это им не

помогло. Утром все были в лазарете, а Володя — перед начальством. Где упорно молчал и не отвечал на все задаваемые вопросы. Чем довел товарища полковника до крика и угроз об изгнании с волчьим билетом. И лишь пришедший командир взвода смог потушить этот взрывоопасный вулкан, в приватной беседе объяснив, как было дело. Впоследствии Володька стал кумиром всех курсов, так как никого в обиду без причины не давал и всегда выступал в роли третейского судьи, быстро и справедливо расставляя точки в спорах, которых всегда хватало в училище, как, впрочем, и везде, где под одной крышей собрана разновозрастная молодежь. Даже руководство училища иногда обращалось к нему, чтоб помог какому-нибудь курсанту младших курсов, который по каким-то причинам не мог найти общий язык с остальными ребятами. Он не просто брал шефство над изгоем, а подтягивал его и занимался с курсантом лично, выделяя для него свое время, которого и так всегда не хватало, чем мгновенно повышал его рейтинг в глазах остальных. Уже тогда проявилось редкое педагогическое чутье Васеева и различные подходы к воспитанию будущих офицеров. Этому богатырю искренне хотелось подражать. Да и чего лукавить: Игорь помнил, как сам невольно копировал его слова, жесты, мимику. Стоя перед зеркалом, сравнивал себя с другом и вздыхал. Юношеский максимализм безжалостно выставлял оценки. Казалось, у Володи нет никаких слабостей. Но Игорь знал одну, так как вместе, курсантами, бегали на дискотеки. Володька, не теряя лица, млея от повышенного женского внимания. Без раздумий бросался в битвы за сердца красавиц и выходил достойным победителем.

После выпуска судьба их развела. Васееву, закончившему с отличием, предлагали остаться и продолжить службу в стенах училища, пророча блестящую преподавательскую карьеру, но он отказался, всей душой стремясь на реальную службу. Легко, без особых трудностей прошел отбор в спецназ, впрочем, никого этим не удивив. Хотя Василевский иногда повторял, что артиллерия изрядно потеряла в его лице. На что Васеев только весело махал ручищей и басил, что не видит себя без спецназа и боевых выходов, и через какое-то время окунулся в водоворот первой чеченской кампании. Слыл смелым и отчаянным офицером. Быстро и заслуженно оброс медалями и уважением сослуживцев. А вот в личном — не сложилось: поменял двух жен и сейчас находился в свободном полете. Правда, воздыхательницы и претендентки на свободное сердце героя стояли в очередь, как в Мавзолей во времена Союза. Но то дома. А здесь поначалу выхаживал Вова павлином перед только что прибывшей Тамарой. Сев на любимого конька, предлагал помощь, различные услуги, а также защиту и покровительство. Тамара весьма холодно отреагировала на его предложения и корректно, однако вполне недвусмысленно дала понять, что в его услугах не нуждается и постоять за себя сумеет сама, — это не первая ее командировка в горячую точку и даже не вторая. Отшив Васеева, она неслыханно удивила Игоря, так как тот честно считал, что мало кто может устоять перед чарами друга, а уж незамужней крепости тем паче не выдержать такой осады. Вот только факт остался фактом, и отшитый Володька открыто злился на Тамару, даже не пытаясь скрывать раздражения и явно не понимая причин своего фиаско.

* * *

— Кира, запомни главное: война — это не спортивные соревнования, а снайперская работа — не стрельба на очки. Здесь каждый твой выстрел означает, чья жизнь ляжет на алтарь войны — врага или кого-то из своих. Потому что платой за твой промах будет смерть нашего пацана. Война не прощает ошибок. Поэтому выстрел должен быть осмыслен: зачем ты его делаешь? Зная ответ перед тем, как нажмешь

на спусковой крючок, ты убережешь себя впоследствии от срывов и мук совести. Поняла? Глядя в прицел, как охотник, ищи цель. А найдя ее, рассчитывай: кто — кого.

Кира внимательно слушала, впитывая каждое слово наставницы. Подружились они мгновенно, с первых минут ощутив легкость в общении. Обучение проходило не в душных классах, а в снайперской лежке, недалеко от лагеря. Выходы эти были учебными. Тамара передавала знания методично и подробно. Показывала на местности, где можно делать лежки. Как лучше выбрать место, чтоб через несколько часов наблюдения самой не оказаться на обозрении. Что может демаскировать, а что, наоборот, скроет от вражеского антиснайперского поиска. Куда уходить, как подходить. Но главное, вкладывала в Киру военные понятия и ценности, отшелушивая с нее гражданский налет. Благо, что учить стрелять нужды не было. В этом опыт биатлона был неоценим. Кира чувствовала СВД как продолжение себя. Четко, быстро, интуитивно выбирала поправки на ветер, осадки, расстояние, деривацию и плавно нажимала спусковой крючок, отправляя пули точно в цели, пока учебные. Выпускной экзамен Тамариной школы — боевой выход — был еще впереди.

— Тамар, а ты женщин убивала?

— Я убивала врагов. Пол и возраст роли не играют.

Кира оторвалась от прицела.

— Но это же как-то... неправильно.

— Война — вот что неправильно. Но если люди до сих пор не нашли иного решения своих проблем, приходится служить жестокой правде: если есть враг — он должен быть уничтожен. Ты или тебя, а лирика хороша для мирной жизни.

Кира уперла взгляд в землю, прошептав:

— Наверное, я не смогу стать хорошим снайпером. Мне кажется, я не смогу так хладнокровно рассуждать и правильно делать выбор — враг предо мной или гражданское лицо.

— Сможешь. Станешь ты отличным снайпером. Внутренний стержень не даст тебе сломаться или ошибиться в выборе цели. — Тамара пристально посмотрела на понурившуюся девчонку и дружески потормошила ее за плечо:

— Брось, не грусти раньше времени. Слушай лучше одну историю... Несколько лет назад, в одной из командировок, наши соседи столкнулись с тем, что по ним работает вражеский снайпер. Выстрелы преследовали в самое неожиданное время и, казалось бы, в защищенных местах. У людей появился страх. Враг казался неуловимым. Но больше всего угнетала изошренная жестокость. Впервые столкнулись с тем, что снайпер использовал бронебойные и зажигательные патроны. А стрелял так, что части тела отрывало напрочь. Первый всегда был ранен, однако так ловко, что от боли и кровопотери самостоятельно не мог проползти и десятка метров. Пока пытались его спасти, теряли еще нескольких. Долбили, конечно, из пулеметов и гранатометов в направлении, откуда могли стрелять. Растяжки выставляли, засады делали, в поиск шли — все без толку, через несколько дней опять потери и вновь тот же почерк. Какой-то заговоренный работал. И притянуло меня к этой истории. Попросилась поработать, помочь. Сначала, конечно, скептически отнеслись, но потом решили: почему бы и нет, хуже точно не будет, а раз мне охота рискнуть, то вперед — билет заказан. Дали добро, нескольких парней-автоматчиков для прикрытия и зеленую дорожку. После очередного нападения выдвинулись, обшарили всю округу. И представляешь, ничего. Даже лежки найти не смогли. Как будто черт с воздуха по нам лупит. Всю следующую ночь маялась, не могла уснуть. Хотя главная тайна для меня была в другом: не чувствовала я Его. Как туманом все прикрыто, только запах какой-то тухло-сладковатый словно витает в воздухе.

Стала в следующие дни сама в лежке замаскированной прятаться. Выждать. Может, чем выдаст себя зарвавшийся от успехов гад, может, оптика где блеснет. Тишина. Даже птиц никто не спугнет. И не давал мне покоя запах этот трупно приговорный. Предчувствие голову сверлило, что силы какие-то схожие работают, да только против нас. Выставила вокруг себя обереги, перед собой землей родной с заговором, еще бабкиным, посыпала и дальше выждать стала. А ждать я умею. Прошла неделя. Без результата. Вдруг вижу, как ворон-падальщик к месту одному, на отвесном скальнике, подлетел и пропал за чахлым кустом. Вроде обычное дело. Еды для них тогда полно было. Вороны жирные стаями кружили. А тут одна птица. Да и что ей делать на скале. Я вся в сплошное чутье превратилась. Глаза закрыла, чтоб не обмануться. Кожей чувствую, как на том склоне трава от ветра колыхнется. Как камушки осыпаются. Понимаю, что лаз за кустом находится, но вот в темноту его проникнуть не могу — не пускает что-то. Лишь веет оттуда так, что у меня по телу мурашки. Ужас какой-то давит и гонит. Прямо силой себя удерживаю, чтобы не вскочить и бегом, в полный рост, не броситься прочь. А мертвечиной прет оттуда так, что нос закладывает. И так мне жутко стало, как мало когда бывало. Даже объяснить тебе сейчас не могу, ведь не видела ничего, а как будто из темноты этой вязкой, почти живой, морда на меня смотрит жуткая, уродливая и злобная. А в это время один из недалеко прятавшихся парнишек-автоматчиков вдруг встает и шепчет: «Не могу я! Не могу тут быть!». И в следующую секунду завыл в полный голос: «Не могу!!!». Меня как подкинуло. Я к прицелу. И в этот миг выстрел грянул. Я сама еще там, у норы этой проклятой, мысленно находясь, увидела, как пуля уходит точно в цель, в пацана этого двадцатилетнего. Обрезал, мразь, пацаненкову судьбу прямо на половинке...

Но и я не растерялась — в ответ пулю послала, да не простую. Нет, ты не смейся, Кирюха, не серебряную. Хотя, ты знаешь, для той твари в самый раз было бы. А заговоренную, чтоб точно — во врага! Специально для такого случая припасенную. Не спастись от нее ни человеку, ни оборотню. И выстрелы наши слились в одно гулкое эхо. А я видела, как медленно оседает парнишка, опрокинутый и сломанный вражеской пулей, знала, что ничем не помочь. Парень падал мертвый. Тело еще не понимало, что случилось, а душа уже освободилась. Но я тоже попала в свою Цель.

Когда добрались до этого проклятого места, нашли отличную лежку. Не лежка, а мечта любого снайпера. В скале был просторный лаз. С одной стороны отлично замаскированный, на высоте, откуда просматривалось все наше расположение. Прикрывался он пуленепробиваемой крышкой. С другой стороны выход в низинку, к ручью. Пойди найди, даже собаки бы не взяли.

Вытащили мы из норы этой девчонку мертвую. Молоденькую и, ты знаешь, жуть какую красивую. Пуля ей в шею попала и весь хребет раздробила, так что голова на жилах и лоскутах кожи болталась. Командир и солдатики словно замороженные на нее смотрели: то ли сраженные ее красотой, то ли молодостью, то ли тем, что так долго поймать не могли. Только я стояла и видела, что не девка это вовсе. Под красивой оберткой была тварь страшная и мерзкая, жрущая жизни наших ребят. Отвернулась и полезла в лежку ее, переборов отвращение и жуть. Нашла, что искала, — шкатулку небольшую с зеркальной крышкой, а в ней оберег — заговоренные куски плоти человеческой и кости переломанные, пересыпанные травой колдовской да вороньими перьями. Из-за шкатулки этой я ее увидеть и не могла, а вот смрад до сих пор помню. Когда вылезла, подошла к ней и под удивленные взгляды ударами приклада отсекала голову от тела. Почему-то захотелось подстраховаться от мороков ночных. Иногда к преданьям старины надо прислушиваться. Просто многие из них искаженными до нас доходят. Но вот штука: когда голову от тела отбила, она глаза

открыла, а тело дернулось, как будто воздух выдохнуло, и пальцы, словно когти, сжались и по земле проскребли. Парни в ужасе отшатнулись, кто-то креститься стал. А я знала — вот она, победа, на моем счету. Не человека победила, а ровно себе — это дорогого стоит. Считай, ее сила мне перешла.

— А зло? — Кира заворуженно слушала, забыв про все на свете.

— А что — зло? Зла самого по себе не бывает. Если человеку дается сила, он сам выбирает, во что ее обратить. Кто-то злобу избирает, а кто-то — доброту, — улыбнулась Тамара, легко щелкнув слушательницу по носу.

— А ты добрая, — и, переборов смущение, Кира добавила, — ведьма...

И как будто испугалась своей дерзости. А Тамара, наоборот, рассмеялась легко, совсем по-девичьи. Отсмеявшись, серьезно и задумчиво глядя вдаль, ответила:

— Я делаю то, что, считаю, должна делать. И тут общей оценки нет. Для своих это добро, а для врагов — зло страшное. Как еще во время Великой Отечественной войны говорил Василий Зайцев, «имя мне снайпер, кинжал в сердце врагов моей Родины». И ты должна стать хорошим клинком, из булатной стали, чтоб боялись и трепетали недруги, и не важно, в каком из обличий они будут. А для этого еще учиться и учиться.

* * *

Не спалось ночью Кире, ворочалась с боку на бок. Во-первых, в палатке не было Тамары. Она заступила в наряд и находилась сейчас где-то в «секрете». Во-вторых, не шел из головы рассказ, подтверждающий болтовню теток из отдела кадров, подслушанную при оформлении документов о переводе.

Те косились на нее любопытными, недобрыми взглядами, шушукаясь за спиной. Из обрывков фраз поняла тогда Кира, что все не так просто в ее трудоустройстве, а всецело обязана она какой-то ведьме. По шипящим пересудам было ясно, что тетки ведьму эту не любят, а вернее, жуть как боятся. И, улучив момент, когда в кабинете осталась одна кадровичка, вроде бы самая не вредная, Клавдия Ивановна, подкатила к ней, предварительно вручив большую шоколадку, так сказать, за хлопоты и скорость в оформлении бумаг. Клавдия расчувствовалась, так как была женщиной скупой и даже прижимистой и истово завидовала своей начальнице, Татьяне Максимовне, которой, обходя рядовых служащих стороной, различные подарки вручали с завидным постоянством. А она с царского плеча иногда выставляла на стол для чаепития коробки конфет и печенье, которые были ей не по вкусу. Клавдия Ивановна торопливым, воровским движением сунула шоколад в сумку и разоткровенничалась. Что, мол, видит она, что Кира девчонка душевная, хорошая, добрая, а идет, как овца, на заклание. Все это темные дела злыдни Тамары. «А Тамара эта — ведьма жуткая. Много чего знает и умеет страаашные дела творить», — нарочито растягивая слова и округляя глаза, вещала Клавка. Кира вроде как удивлялась, охая, провоцируя кадровичку на подробности, и та валила их пригоршней, сама не различая, где правда, а где бабские домыслы. По ее рассказам выходило, что ведьма Тамара змеей заползла в их бригаду и различные слухи шли впереди ее поступления. Люди говорили, что силы колдовской она немалой. Снайперской работой лишь прикрывает дела свои темные. Какие — Клавдии неизвестно, но ясно дело, что не христианские. Как уж они были против, чтоб ее взяли, но тут силы были явно не равны. И, придя в бригаду, стала она в доверие втираться да добрыми делами прикрываться. Например, однажды пришла к самому командиру бригады Олегу Викторовичу и попросила, чтоб он жену с дочкой в гости к свекрови завтра не пускал. Подождет, мол, цирк до следующего раза.

Комбриг опешил, начал горячиться: с чего вдруг она ему будет указывать, но вдруг осекся, удивившись, откуда она знает про то, что жена с дочкой собирались завтра ехать в другой город, к его матери, и что та обещала билеты в цирк купить. Комбриг сказал тогда Тамаре, чтоб не морочила ему голову. А через день сам к ней пришел и благодарил, чуть не со слезами на глазах. Оказывается, рейсовый автобус, на котором собиралось ехать его семейство, попал в страшную аварию: многие пассажиры погибли или были покалечены. И что Бог послал ему Тамару, и что, мол, она уберегла его близких. Спрашивал, чем он может ее отблагодарить, а та лишь улыбнулась и сказала, что когда-нибудь обратится с просьбой, и вот тогда очень важно, чтоб он не забыл про этот день и помог. Дескать, больше ничего не надо. Викторovich заверил, что сделает.

И вот сейчас, видимо, этот день настал, и попросила Тамара ни повышения по службе, ни благ каких-то, а чтоб взяли на службу ту, которая придет, и пришла именно Кира. А теперь все гадают, зачем она нужна этой ведьме.

Кира же удивилась, почему они таинственную Тамару так не любят, ведь замечена она в делах добрых. Помогла сохранить семью комбригу, да и ни в чем другом зла не делала. На это Клавка раздраженно передернулась и, понизив голос, доверительно зашептала Кире на ухо:

— Ага, что ей, ведьме, людей запутать. Раз плюнуть. Ну, сделала добро комбригу, вот ведь невидаль, а взамен опоясала его обещанием, которое тот ни за что не нарушит. А может, она специально эту аварию подстроила и людей погубила, чтоб авторитет свой поднять. А насчет зла, так в этом ты, Кира, еще слишком молода, и опыта у тебя нет, — Клавка со значением посмотрела на Киру и продолжала рассказывать, как недавно, перед этой командировкой, зашла Тамара к ним и сказала начальнице прямо в лицо, что если та еще будет слухи распускать и злословить, то получит такие проблемы, что про нее и думать забудет. Развернулась и ушла гордая, как царица. Начальница тогда плюнула ей вслед и разразилась таким матом, какой еще никто и никогда в их отделе не слышал. А через час, когда Татьяна Максимовна заваривала кофе, у чайника вдруг ручка отвалилась и крутой кипяток обварил ей ноги. Да так, что до сих пор мается. Ожог никак не сходит, все время мокнет и болит. Но и это еще не все. Муж ее на днях объявил, что устал от их совместной жизни и постоянного недовольства жены по различным поводам и уходит к другой женщине. Татьяна, конечно, баба крутая и бывает несдержанна, но все же не ожидала, что муж-подкаблучник от нее сбежит. Так ведь мало было этой ведьме над бедной женщиной так покуражиться, добила она ее полностью. Недавно поставили сынку Максимовны страшный диагноз: диабет.

В этом месте по лицу Клавдии проскользнула легкая злорадная усмешка:

— Правильно, а как ему не заболеть, если мать с работы постоянно тащит то конфеты, то торт, то шоколад. Все дитяtku своему родному. Как будто у других детей нет. — Но тут же спохватилась, взяла себя в руки и добавила со скорбной миной на лице, — Малец-то чем перед ней, ведьмой, виноват!

Так что сейчас Татьяна Максимовна в их диспутах участия не принимает, быстро уходит в свой кабинет и практически до конца рабочего дня оттуда носа не кажет. Слышно только, как иногда плачет, как будто собака скулит. Сникла и подурнела. А другие сотрудницы обзавелись оберегами и молитвами — выбросили кучу денег на разные заговоренные вещицы и поэтому могут себе позволить посудачить о делах ведьминых, злобных и недостойных. Надеются, что не подведут талисманы и не услышит Тамара их пересуды.

А Киру ей, Клавдии, дескать, искренне жаль. Сразу понятно, что задумала Тамара что-то ужасное и нужна ей душа свежая, чистая, незапятнанная. Так что пусть держит ухо востро и будет на чеку...

Пока ехала, думалось всякое. Мысли были мрачные, виделось страшное, да и Тамару она представляла себе почему-то вредной и злобной, сварливой теткой. А по приезде удивилась. Тамаре было за сорок, а выглядела она прекрасно. Еще поразили Киру внимательные, добрые, какие-то совершенно солнечные глаза. И по характеру оказалась легкой, веселой и совершенно не такой, как ее обрисовали. Сначала Кира даже подумала, что наговорили женщины, разыграли и напугали новенькую для своего развлечения, но быстро смекнула, что не так все просто. В отряде поглядывали на них с легкой опаской и уважением, держались подальше и ни с какими глупостями не подкатывали. Ее это удивило и порадовало — одной проблемой было меньше. Но вот колола душу мысль: зачем нужна ей Кира.

К утру вернулась Тамара. Вошла, сразу наполнив палатку запахом ночного влажного горного кавказского леса и корицы. Прислонилась к кровати винтовку, раскинула на стул маскировочную сеть и шепотом спросила:

— Ты чего не спишь?

— Тебя жду. Тревожно как-то.

Тамара подошла к Кириной кровати:

— Да ты что, не накручивай себя. Все хорошо.

Кира вздохнула и задала вопрос, который не давал покоя:

— А ворона, та, что к снайперской лежке прилетела, куда делась?

— Ворона, — Тамара задумалась на секунду, — думаю, что как таковой вороны и не было. Просто нас, — и она улыбнулась, — ведьм, видят иногда в образе несколько ином, необычном. С кем по духу ближе, в том образе и появимся.

— А ты в каком?

— Придет время, может, и увидишь. А сейчас спать давай. Утром головы не оторвешь.

Но Кире надо было удовлетворить любопытство до конца:

— Том, подожди, а шкатулку ее ты куда дела?

— Ну, Кирюха, любопытной Варваре сама знаешь что сделали. — И, не раздеваясь, легла, прикрыла глаза, закинув руки за голову, договорила, — все, что внутри было, по ветру развеяла, а саму шкатулку разломала о камни и выбросила в обрыв.

И, словно предчувствуя следующий вопрос, продолжила:

— А девку ту заминировали и подорвали, как будто она сама на мину наступила. Так что и сейчас душа ее черная в образе вороны где-то кружит и к любопытным девчонкам ночью прилетает и в макушку клюет. Вот и все, давай спать.

— Есть, товарищ капитан.

Но через несколько секунд Кирюха не выдержала и, приподнявшись на локте, вглядываясь в предрасветном сумраке в напарницу, спросила главное, в чем нестерпимо хотелось поставить точку:

— Том, а ты знаешь, что тебя тетки в бригаде не любят и болтают разное?

Женщина усмехнулась и ответила, не удивившись повороту в разговоре:

— Знаю. И некоторые мужчины тоже. Но я же не леденец, чтоб все меня любили. Боятся они меня, а главное зло в них самих сидит. Все, быстро спать.

И Кирюха, откинувшись на скатку, заменяющую подушку, мгновенно провалилась в сон.

* * *

— Парни, Крушнова никто не видел? — Тамара обратилась к проходившим мимо солдатикам второй роты.

— К связистам пошел. Пытается с Ханкалой связаться, чтоб подтвердить прилет вертушек для предстоящего выхода.

— Вертушки — это хорошо, «Крокодилы» — это то, что надо, — как будто сама с собой пробормотала Тамара и, кивнув в сторону командирской штабной машины, позвала Киру, — пойдём, поздороваемся. Может, Саню там найдём.

Он действительно был в «шишиге». Вместе с двумя радистами пытались наладить связь, но что-то не получалось. Прием фонил и шумел, то и дело выхватывая обрывки каких-то чужих переговоров. И вдруг, в тот самый момент, когда Кира с Тамарой поднялись в кузов, связь стала чистой, как будто говоривший стоял рядом.

— Эй, русский Ваня, слышишь меня? — голос был приглушенный, с сильным кавказским акцентом. Парни, до этого беззлобно ругавшие технику, от неожиданности замолчали, как будто тот мог услышать их без аппаратуры. — Знаю, слышишь. Так вот, запомни: я с моими людьми приду и буду тебя и друзей твоих убивать. Горло тебе медленно резать буду, да.

Крушнова аж передернуло. Задел его бандит за живое, сдернув тонкую корочку с душевной раны, и он, схватив тангенту, сдавленным от злобы голосом просипел:

— Слышь, ты, скотина, я тебе сам глотку перегрызу, когда найду.

На другом конце гортанно засмеялись, довольные эффектом.

— Боишься, Ваня! Правильно делаешь. Я много ваших убил и дальше буду. Я рядом, кафир. Ближе, чем ты думаешь.

У Крушнова заходили желваки от кипящей ярости. Было видно, что он сдерживает себя, чтоб не разбить радиостанцию одним ударом, сорвав на ней злобу от бессилия:

— Кто ты, шакал? Как тебя зовут? Я тебя найду, сердце вырву и собакам отдам. А уши отрежу и засуну в глотку, как ты это делал с нашими парнями.

Чеченец смаковал ситуацию, отвечал протяжно и пафосно:

— Имя мне народ, и ты меня никогда не найдешь, это я первый с тебя кожу сдеру и в землю закопаю по шею. Слышишь, да.

Тамара резко подошла и с силой вытянула из плотно сжатых пальцев тангенту:

— А ты народом не прикрывайся. Имя твое Арби, а фамилия Юсупов. Ты помощник главаря банды Касумова. Хочешь, еще кое-что расскажу, например, что родные твои живут в Самашках. А старшая дочь сейчас в Моздоке. Сказать при твоих дружках, чем она там занимается? И еще: этот Ваня, с которым ты сейчас говорил, найдет тебя и слово свое сдержит.

В рации забулькало, послышались проклятия. Было понятно, что Тамара попала в цель.

— Кто ты, русская тварь?!

— Я, Арбиша, твой ночной кошмар. Я та, кем тебя пугала бабка в детстве.

— Шайтан, — взревел чеченец.

— Нет, я всего лишь русская ведьма, и я знаю, чего ты боишься.

В рации послышалась ругань, и уже другой голос просипел:

— Эй, что ты гонишь? Тебе нас не запугать, мы вас всех уроем.

Тамара улыбнулась.

— О-о, здравствуй, Мустафа. Вот ты сейчас с нами время теряешь, некрасивые слова говоришь, а лучше бы домой поспешил, с сыном попрощался. Умрет он завтра. Так что беги, беги быстрее. — Чеченец вскрикнул, и связь прервалась. Все присутствующие замороженно смотрели на женщину, стоящую у аппаратуры. Первым в себя пришел командир второй разведроты:

— Тамара, откуда?.. — только и смог выдавить Саня.

— ...я все это знаю? — она обернулась и посмотрела ему в глаза, — Юсупова — с одной из прошлых командировок. Его тогда задержали, и он в ногах у командира

валялся, клялся детьми и женой, что чист перед нами, что простой овцепас и никому ничего плохого не делал. А после того, как его отпустили, продолжал по ночам обстреливать наши позиции, пока не столкнулся в лесу с чем-то страшным. Теперь вот по ночам по лесу не бродит. Опасается.

— А про сына? — не удержалась Кира.

— Знаю, и все. Иногда бывает такое озарение. — И тут же обратилась к Крушнову, — Саша, мне надо с тобой переговорить. Пойдем выйдем.

И Крушнов пошел за ней, все еще под впечатлением от радиоэфира.

* * *

А через день по темным улицам села шел чеченец. Не торопясь, с чувством собственного достоинства вышагивая по грязной жиже, покрывающей дорогу, Арби размышлял. На свежем воздухе ему всегда лучше думалось. Он считал, из-за того, что он отличный воин, привыкший к жизни в горах и длительным переходам. Сейчас ему было о чем подумать. Сомнения, страхи и доводы разума стекляшками калейдоскопа вертелись в душе:

«Что может сделать эта урус баба? Мне, джигиту, воину?!» В какой уж раз он задавал себе этот вопрос и сам же отвечал:

«Ничего! Меня не запугать этими штучками. Знает она, видите ли, меня. Так много кто знает. Люди боятся и уважают. Что известно соплеменникам, то обязательно узнают эти неверные псы. Ну и пусть! Всех задушу, как давил этих щенков все эти годы. Группа у нас сильная. Нохчи в ней все правильные, проверенные, не выдадут!» По лицу проползла самодовольная ухмылка, которая быстро слетела от неприятно царапнувшей мысли:

«Знают, значит, где моя семья. Надо весточку дать, чтоб покинули Самашки. И с Марьям разобраться, чтоб не позорила род».

Здесь он не был своим. Жил на окраине села в доме, принадлежавшем когда-то осетинской семье, которая в начале девяностых оказалась нерасторопной, не поняв, что бежать, бросая все, надо было не только русским. А кто не спрятался, как говорил его сынишка, играя в прятки, — я не виноват. Но было еще одно непонятное и оттого особенно пугающее. Возвращался он с похорон единственного сына очень уважаемого человека. Смерть не редкость на этой земле. Но здесь дело было иное. Умер парень глупо. В подполе родительского дома, куда запер его собственный отец, пытаясь уберечь от неизвестной беды. А там, от спертго воздуха или еще от чего, стало парню плохо, и он упал, да так неудачно, что зашиб голову о бетонную заливку, где был схрон с оружием. И можно было еще парня спасти, но отец строго-настрого запретил подходить ко входу, закидав его сверху коврами. А когда минула полночь, и он, откинув крышку, позвал сына, довольный, что обманул рок, ответом ему была тишина и скрюченное остывшее тело. Мустафа даже рассудком немного повредился. Стоял на коленях перед зияющей пастью погребя, медленно раскачиваясь и все время повторяя:

«Гиеш!!!» — так на родном языке испокон веков зовется ведьма. Пока на вой женщин не сбежались соседи и не оттащили его в сторону. Вот ведь как бывает.

На похоронах Мустафа так и не пришел в себя. Плакал, хоть не подобает это правоверному, и все время беззвучно уговаривал ведьму сжалиться и вернуть ему сына. Глупец. Нет никакой ведьмы. Стечение обстоятельств и только, неизвестно как угаданное той бестией. Нет, его этим не напугать. Он вообще ничего не боится. Но тут не кстати вспомнилось, как однажды заморочило его что-то в ночном лесу, подымая из глубины души суеверный ужас. Громадная тень кружила вокруг, при-

свистывая и постукивая, не громко, а как будто гвоздь в доску забивая — тук...тук...тук. Он затыкал уши, но стук и свист пробирались через сжатые ладони и впивались занозами в мозг. И от этого такой мороз по спине пробегал, что хотелось броситься со скального обрыва, на котором он устроил лежку. Даже очередь из автомата не помогла — не услышал звука выстрелов. Мрак поглотил их. От наваждения он пополз на четвереньках, мотая головой. А потом не выдержал и побежал, как мальчишка, до лагеря, не оборачиваясь, спиной ощущая, как скользит что-то темное и непонятное следом. То, что не боится металла и быстро проговоренных молитв. То, про что рассказывала давным-давно старая прабабка, остерегая его от ночного леса. Тогда, с рассветом, лежа в землянке, списал все на крутую афганку, которой вдосталь насыпали братья арабы. Трава была забористая, крепкая, вот и накатила на мозги, выковыривая детские, давно забытые страхи, путая в липком ужасе. На этом и порешил. Но обстреливать позиции русских по ночам перестал — ну их к псам!

От неприятного воспоминания по телу пробежал озноб. В это время со спины послышался легкий шорох, и тихий голос сказал:

— Ну, здравствуй, Арбиша, — Оборачиваясь, чеченец очень удивился блеснувшей в холодном свете полной луны полоске стали.

Наутро тело бандита Арби Юсупова найдут соседи. Сбежится народ, и все в ужасе будут смотреть даже не на затолканные в рот отрезанные уши, а на дыру в груди, где раньше билось сердце помощника главара банды Касумова.

А через несколько часов после расправы в расположении отряда Василевского, около вольеров, где жили овчарки кинологов, к одиноко стоящей фигуре подошел разведчик.

— Ты была права, Тамара, — он встал рядом, тоже глядя на низко блестящие звезды, — Знаешь, у этого чеха были часы Федора. Он скулил и уверял, что это его, еще отцовские. Но я-то точно знаю, чьи они. Я сам эти «командирские» Федьке подарил на день рождения, пожелал, чтоб долго и исправно отсчитывали его жизнь. И вот друга нет, а часы есть. Этот ублюдок трофей себе на память оставил, — и, словно спохватившись, протянул то, что сжимал в руке. — Это тебе. Как просила.

И Крушнов, отдав ей мертвое сердце, развернулся и пошел прочь.

Тамара окликнула его:

— Саша, сколько времени?

Разведчик, скользнув взглядом по всегда точным «командирским», не оборачиваясь, крикнул:

— Десять минут четвертого.

Когда силуэт скрылся за палатками, Тамара равнодушным взглядом скользнула по тому, что держала в руках, и вдруг с такой силой сжала ладони, что сердце лопнуло, и ошметки плоти и сгустки крови стали падать в вольер, где на них жадно набросились вечно голодные собаки. Тамара одним движением вытерла ладони о деревянную перегородку и не торопясь пошла к своей палатке. Пора было ложиться спать.

* * *

Напасти не оставляли отряд. Во время следующего выхода на проверку территории группа опять нарвалась на засаду. Бандиты пропустили головной дозор, а когда основное ядро невольно растянулось на трудно проходимом горном участке, ударили с нескольких стволов. Васеев ничего не успел понять, как пуля попала ему

в грудь и опрокинула с неожиданной силой, будто невидимая кобыла ударила в грудь копытом. В голове промелькнула мысль, от которой бросило в жар: неужто подрыв?

Несколько минут он лежал, как рыба, выброшенная на берег, хватая вмиг пересошим ртом воздух. Грудь при каждом вздохе ломило так, словно в легких разбили бутылку и она разлетелась на тысячи маленьких острых осколков, впившись в грудину, мешая дышать и двигаться. И без врача было понятно, что сломано ребро, а может, и не одно. Володя мысленно похвалил себя за то, что не брезговал надевать на все выходы бронезилет. Пуля пробила два полных автоматных магазина и завязла в броне. Все это были цветочки по сравнению с тем, что могло бы случиться. Немного успокоив рвущееся из груди сердце, со стоном перекатился в сторону и, только оказавшись за ближайшим деревом и отдышавшись от вновь резанувшей кипучей боли, через пелену красных, плавающих в глазах пятен наконец смог осмотреться. Скоротечный бой прошел без него. Парни, которых он лично натаскивал и тренировал, не подвели. Слаженно отбили нападение. И сейчас, рассредоточившись, залегли за укрытия, выбрав самые выгодные позиции. По нависшей тишине, которую разрывал только крик двух раненых бойцов, было понятно, что бандиты сбежали. Напакостили и смылись, не дожидаясь последствий. Опираясь на собственный автомат, Вова тяжело поднялся. От нехватки воздуха и обжигающей рези голова закружилась и в глазах потемнело, но он смог удержаться на ногах и уже секунду спустя нашел в себе силы начать отдавать команды. Радист вызывал подмогу. Раненых перевязали и вкололи им промедол. Васеев от помощи отказался, понимая, что тем двоим она важнее. Только, морщась, стянул с себя разгрузку и бронезилет. Уже в расположении ему стало хуже. Видимо, растрясло в машине. Док, осмотрев внушительную гематому и прощупав место удара, сокрушенно поцокал языком, пробормотав, что могло быть хуже и еще, успокоительно, про то, что эта неприятность однозначно до свадьбы заживет. Когда Василевский предложил ему ехать вместе с остальными ранеными в госпиталь в Ханкалу, Володя отказался, но командир был непреклонен.

— Езжай, Вов, здоровье одно.

— Андреич, ты чего меня рано списываешь?! Я еще из-за такой ерунды по госпиталям не мыкался! — И дружок, насупившись, отвернулся, смяв в сердцах сигарету и отбросив ее в сторону.

Игорь усмехнулся и протянул ему целую.

— Не психуй. Покажись врачам. Возьми справку, будет не лишнее. И обратно. А чтоб ты не думал, что я хочу тебя скинуть, то проследи, чтоб парней нормально отправили в госпиталь, и заодно продукты получи.

— Вот это другое дело! — просиял Володя и осторожно, чтоб не закашляться, затыкнулся.

* * *

Его радужное настроение как водой смыло, когда он увидел, что с ними в Ханкалу едут девчонки.

— Это еще чего? — недовольно протянул он Василевскому.

— Вовка, не кипятись. Пока ты парней будешь оформлять, девчата с парочкой бойцов на рынок смотаются. Закупятся. Надоела казенщина, сил нет. Как ни крути — скоро Новый год.

До Ханкалы доехали не проронив ни слова. Парни, обколотые обезболивающим, спали. Кира с тревогой всю дорогу вглядывалась в их пожелтевшие лица.

Она как будто сама дышала вместе с ними. Очень тщательно вымеряя каждый вздох и сравнивая его с тем, как неслышно, почти незаметно дышат раненые. Сдерживая себя от простого человеческого порыва — сесть прямо на дощатый пол «Урала» и гладить их по голове, в голос уговаривая потерпеть еще немного: все обязательно будет хорошо и они поправятся. Но почему-то ей было стыдно этой слабости. Не хотелось показаться размазней и сопливой девчонкой перед заместителем командира. Тот, когда залезал на борт, сделал привычный рывок, но аж задохнулся от накатившей боли и, не совладав с собой, со стоном осел. Кира учтиво поддержала его, но он отпрянул от нее, скривившись, как будто съел что-то кислое. Чем очень сильно расстроил и даже обидел ее: она же от чистого сердца хотела помочь. Но Васееву не нужно было такое участие. Всю дорогу он просидел, привалившись к борту и устало прикрыв глаза, только иногда, когда машину сильно подкидывало на ухабах, морщился и почти незаметно вздыхал. Кира изредка украдкой поглядывала на него. Мужественное лицо притягивало к себе взгляд. Она искренне не понимала, за что заместитель командира так их не любит. Ведь ничего плохого они не совершили и ни в чем никого не подвели. И вдруг поймала себя на детской мысли, что ей бы очень хотелось, чтоб этот суровый дядька оценил и похвалил ее когда-нибудь как хорошего бойца, но было ясно, что это из разряда мечтаний.

Тамара же все время пристально вглядывалась в окружающую местность, держа наготове автомат — удобно уложив его на колене и направив ствол в проплывающий мимо лес, готовая в любую секунду открыть огонь, если того потребует обстановка. Но было пустынно и спокойно. Она не смотрела ни на парней, ни на Васеева, ни на Киру. По ее отрешенному лицу было видно, что она вообще отсутствует и сейчас находится где угодно, но только не с ними. Когда они добрались и, спрыгнув с борта, молча наблюдали, как солдатики отнесли раненых в госпиталь, Кира наконец-то вздохнула облегченно. Ей на секундочку показалось, что теперь с бойцами все будет хорошо и они обязательно выздоровят.

— Ты знаешь, Кир, если бы ты погладила их по голове и сказала добрые слова, им точно стало бы легче, — задумчиво сказала Тамара и, не оборачиваясь, пошла догонять бойцов. А Кире вдруг стало до такой степени горько от всего навалившегося за эту поездку, что на глазах предательски заблестели слезы.

«Ну почему я такая несуразная? Прав Васеев, что так презрительно хмыкает. Никогда не стать мне настоящим снайпером. Вон и Тамара все про меня поняла и слабость мою почувствовала. Да и парням, получается, не помогла, хоть и могла. Испугалась собственного сострадания. Захотелось быть суровой и сильной, а на самом деле — какая же я глупая».

Но на размазывание соплей не было времени. Не хватало еще, чтоб Тамара, выйдя, увидела ее в таком расклеенном состоянии. Или, того хуже, чтоб вообще пожалела о том, что за нее попросила и поручилась. Кира быстрым движением смахнула накатившую слезу и, сердитая на саму себя, залезла обратно на борт «Урала». Через несколько минут вышла Тамара, и они поехали на закупку. Кира всю дорогу, понуро уперев глаза в пол, молчала и по приезде без желания поплелась к уличным прилавкам. Но рынок сразу навалился гономом, ослепив и заворожив разнообразием фруктов и сладостей. Отвыкшие от вкусов, все невольно растянулись, разглядывая товар. Парни ушли вперед. Кира, наоборот, отстала, залюбовавшись аппетитно-оранжевыми апельсинами, и невольно вздрогнула от непонятного шипящего звука, сразу интуитивно выхватывая взглядом напарницу. Источником отвратительного змеиного шипения была скрюченная, жуткая старуха, одетая во все черное: уперев в сторону Тамары скрюченный артритом указательный палец, что-то гневно бормоча, она издавала этот мерзкий сипящий крик.

Кире почему-то стало не по себе. По спине пробежал озноб оттого, что Тамара стояла как вкопанная, не шелохнувшись, в оцепенении глядя, как отвратительная старуха приближается к ней, вытягивая костлявые, все в синих жгутах вен, руки. А пальцы, в старческих ржавых пятнах, хищно то сжимались, то разжимались, как будто старуха в темноте пыталась что-то ухватить желтыми от времени, длинными, плотными ногтями.

— Ты-ы-ы!!! Я знаю, это ты-ы-ы!!! Это ты-ы-ы убила мою девочку!!! — страшная бабка стала подвывать и шумно втягивать воздух, как будто пытаясь учуять Тамару, словно не видела, а только чувствовала ее.

— Я убью тебя-я-я!!!

Кира явственно увидела, как руки старухи стали длиннее. Смахнув это наваждение, она, сама не осознавая, вдруг кинулась в просвет между подругой и страшной бестией, с силой оттолкнув последнюю, где-то в душе испугавшись, что перешагнула табу и сейчас древняя, замшелая бабка упадет и обязательно расшибется. Но старуха не упала. Она очень ловко посемила ножками, устояла, нелепо раскачивая неестественно длинными руками, как балансиром, и стала злобно озираться. Было понятно, что случилось что-то для нее непонятное. А к ней уже спокойно подошла пришедшая в себя Тамара и, что-то шепнув на ухо, ловко выдернула из-под черного платка несколько седых жестких волосков. Резко развернулась, подхватила Киру под руку и быстро направилась в сторону машины. Кира, еле поспевая за подругой, на ходу обернулась и поразилась тому, что никто из покупателей и торговцев не заметил, что что-то произошло. Все шло своим чередом, словно этой стычки и не было вовсе. Как, впрочем, не было и самой старухи со страшными длинными руками. Парни догнали их уже у машины, так и не поняв, в чем дело.

— Поехали быстрее. Там какой-то непонятный ящик валяется. Может быть, фугас, — скомандовала Тамара, указывая наугад куда-то в толпу.

— Да мало ли здесь ящиков валяется! Ничего же купить не успели! — ворчали парни, залезая на высокий борт.

— Разговорчики! Нам еще Васеева забрать надо и до расположения добраться.

* * *

На следующее утро Кира проснулась рано, резко вынырнув из какого-то тяжелого, глубокого сна без сновидений. Немного полежала, приходя в себя и разглядывая потолок палатки, и решила вставать, так как желания валяться больше не было. Спросонья кутаясь в запахнутый бушлат и щурясь от утреннего морозного солнца, вышла из палатки. И тут же вздрогнула, чуть не наступив на брошенную почти у самого порога растрепанную тушку старой вороны. Голова птицы была свернута и аккуратно лежала рядом, удивленно поглядывая на ошарашенную Киру белесым, ничего не видящим глазом. Черный матовый клюв приоткрыт в застрявшем крике. Требуха, раскиданная по мерзлой земле, составляла какой-то непонятный орнамент. Кира попятилась и уже в палатке кинулась к кровати Тамары, задыхнувшись оттого, что с ходу не нашла слов:

-Там! Там! Ворона там!

Тамара на крик еле открыла заспанные глаза, потянулась и, улыбнувшись, покачала головой:

— Ну чего ты кричишь? Подумаешь, коты ворону растрепали. Вот невидаль. А когда на твои крики все сбегутся, решив, что тебя здесь режут, тогда действительно весело будет.

Кира прикусила язык. Действительно, что это она? Вот только взгляд выхватил

застрявшее в каштановых волосах напарницы черное перо. Кира развернулась и быстро вышла из палатки, уже спокойно перешагнув через птичьи останки.

* * *

Проверка Киры на профпригодность выпала на ночное дежурство, куда ее начала брать с собой Тамара. С наступлением темноты они скрыто выдвигались в дальний замаскированный окоп, откуда удобнее было осматривать окрестности. Кира быстро приоровилась к наблюдению через прицел ночного видения. Яркий зеленый свет НСПУ изменял окружающее, делая его каким-то нереальным, фантастическим — картинка словно складывалась из изумительного изумрудного снега, летящего прямо в тебя. Правда, долго наблюдать через него было невозможно. Начинало резать глаза. Поэтому по совету Тамары, которая не одобряла такого технического наблюдения, какое-то время Кира сидела с закрытыми глазами и пальцами легко массируя веки. Потом зрение привыкало к темноте, она не казалось уже столь непроглядной, да и хорошую подсветку давали звезды, иногда видные через набегавшие тучи.

В ту ночь, около четырех утра, Кира почувствовала легкое движение недалеко от леса — словно ветерок пробежал, пригибая сухостой. Вгляделась. Ничего, тишина. А через несколько минут опять. И вроде нет ничего, но как-то беспокойно. Засосало под ложечкой. Тамара, почувствовав беспокойство напарницы, тихонько сказала:

— Без паники, Кирюха. Вот теперь включай свою чудо-технику, пришло ей время поработать.

В ночном прицеле два силуэта вырисовывались четко, как на картинке. Только не понятно было Кире, что они делают. Вроде как пьяные валяются у леса, но непогода сейчас, да и не то это место. А Тамара уже инструктировала:

— Ишь чего удумали. Досылай, Кира, патрон и считай, что это твой выпускной экзамен. Обоих сможешь достать — считай, отлично. Одного, ну, тоже неплохо. А вот если уйдут, значит, подведешь меня, и впустишь все, чему я тебя учила.

— Не подведу, — Кира дослала патрон в патронник и срослась с винтовкой. Два выстрела прозвучали так ладно, что почти слились в один. По склону прокатилось эхо. Почти сразу взлетела осветительная ракета. Ощупывая окружающую территорию, заскользили прожекторы. Зашипела рация, запрашивая, почему стреляли. Тамара спокойно, по-военному отчеканила, что пресекли попытку разминирования взрывного заграждения. Когда дали отбой, Кира отпустила винтовку. У нее заметно дрожали руки.

— А если они случайно там оказались? — прошептала она побледневшими губами.

— Ага, случайно... ягду ползунику собирали, — и, взглянув на Киру, поняла ее терзания, — эй, девочка, а ну-ка стоп, — Тамара легко встряхнула ее за плечи.

— Слушай меня внимательно! Повторяю последний раз. Ты приехала на войну. На том берегу друзей нет. Либо ты их, либо они нас. Без вариантов. Третьего не дано. Быть здесь сейчас — это твой осознанный выбор. Вот и прими его с честью. Путь война тяжел и тернист, но богоугоден. Поэтому соберись. Ты сдала этот экзамен на отлично. Толк будет.

Кира молчала. Накативший мандраж сам собою начал проходить, словно впитавшись в Тамарины ладони. Ее перестало трясти. Через несколько минут стало легче.

— Том, а что они делали?

— Пытались проход сделать по нашему минному полю.

Тамара задумалась о чем-то своем, а напарница сидела тихо, не мешая, разглядывая при свете проглянувшей луны раскинувшиеся тела. К ним никто не спешил — кандидатов на ночной подрыв, видимо, не нашлось.

Позднее, когда их сменили, девчонки ушли в свою палатку. Не сговариваясь, молча сели за стол и какое-то время сидели, глядя на горящую в алюминиевой кружке свечу. Понимая, что сна не будет, Тамара заговорила:

— Ты знаешь, Кира, вся суть даже не в том, что сегодня чехи пытались сделать себе тропинку, а в том, что кто-то ведь им подсказал, откуда лучше подойти и где можно разминировать, а куда лучше не соваться. На самом деле там больше половины Лева ставил — он сапер матерый, у него незаметно фиг что извлечешь. А вот там, где ты сегодня счет свой открыла, — там Ванька, солдатик молоденький, самые простые растяжки сделал. И вот вопрос: откуда духи узнали про это слабое место?

Кира удивилась такому повороту:

— Случайность... наверное, — и внезапно сама осеклась.

— Что-то последнее время слишком много случайностей, — и, секунду подумав, то ли подбирая слова, то ли решая, говорить Кире это или не стоит, продолжила:

— Предатель у нас сидит. Сликает душкам информацию... — И, как бы открываясь перед напарницей, жестко закончила, — вот ведь что самое паскудное: не вижу я его, нет картинки. Гнетет это меня, из себя выводит, но сделать ничего не могу. Оберег какой-то сильный у него. — И помолчав, добавила:

— Слушай, Кирюха, еще одну историю... Говорят, что женской дружбы нет. Не согласна. Была у меня подруга старинная — Рита. Женщина редкой душевной доброты. Врачом, военным хирургом, работала. Начинала еще в Афгане. Стольким парням жизнь сохранила. Почти безнадежных вытягивала. Ноги, руки по косточкам собирала. Был у нее в этом талант. Всегда веселая, легкая, светлая и совершенно бескорыстная. Больных оптимизмом заражала, так что сразу жить хотелось. Такая мощь в ней была и еще любовь христианская к ближним. Редко таких людей встретишь. Бриллиант.

А какая она подруга была. Представляешь, вот вроде дар у меня, а она всегда знала, когда ко мне в гости прийти надо. Если тоскливо на душе, маета, гнетет что-то — придет, и как рукой все снимет. Если радость какая, так больше меня радуется, смеется. А знаешь, как она под гитару пела, как будто душу нараспашку разворачивала. На всех праздниках первая заводила. Настроение создать умела, так, чтоб всем тепло было.

Когда первая чеченская грянула, Рита в командировку вновь засобиралась. На работе сначала отпускать не хотели: таких врачей еще поискать надо. К ней на операцию люди в очередь записывались на несколько месяцев вперед. Большие деньги предлагали, только ей на это наплевать всегда было. Добилась все же, чтоб опять в пекло ехать. Врачей тогда на передовой не хватало. А у нее опыт в военной хирургии огромный. Нужна она там была. Так бывает, когда человек чувствует, где его место. Никогда не забуду, как прощались на перроне. Был поздний вечер, и состав освещался желтыми яркими фонарями. С неба неожиданно начал падать снег, густыми, огромными хлопьями, и асфальт быстро стал весь белый. Кругом суета. Народу полным-полно. Прощаются, пьют, смеются и плачут. Включили «Славянку». Все стали загружаться по местам. Она грустно улыбнулась, обняла меня и прошептала: «Я вернусь». И запрыгнула на подножку вагона. Поднялась и махала рукой, долго, пока состав не скрылся из виду в начинавшейся метели. А я махала в ответ, в темноту, и слезы душили меня, разрывая грудь. Уже тогда в душе было понимание, что не вернется. Видение было, как лицо ее покрывает снег, словно саван, и не тает.

Рита написала только одно письмо, подробно и страшно описывала, что там происходит. А потом тишина, ни строчки. И вдруг, через два месяца после отправки, звонок. Это была ее старенькая мама. Она плакала и просила прийти. Сердце зашло от предчувствия беды. Когда вошла к ним в квартиру, там стоял мужчина в камуфлированной форме, с перевязанной головой. Он был только что оттуда. Уже на улице, закудив, чтоб унять нервную дрожь, рассказал, что Рита и еще три женщины медперсонала были прикомандированы к их мотострелковому полку. Делали сложнейшие операции, чудеса творили, спасая парней. А когда выбирались из операционных еле живые от усталости, валились спать в отведенном им кунге. И вот однажды ночью чечены вырезали часовых и угнали этот прицеп. Вот так, просто. Заблокировали снаружи дверь, подцепили к машине и укатили в неизвестном направлении. Через месяц в пригороде Грозного наткнулись на голову одной из женщин, она была надета на палку, а про остальных так ничего и не известно. Понятно лишь одно: смерть приняли они такую, что врагу не пожелаешь. А еще, из собранной информации, узнали, что продал их кто-то из своих и деньги за это получил немалые. Вот только кто эта тварь, так и не вычислили.

Помню, слушала его, а в душе все переворачивалось. В глазах чернота. Из груди как будто кусок сердца вырвали. Температура зашкалила. Ночью, когда во сне бредовом забылась, Риткин плач услышала, хотя в жизни никогда она не плакала, стойкая была, как кремль. А тут тихонько, как ребенок, всхлипывает, зовет меня и просит за нее отомстить. Очнулась, а мольба ее в ушах звенит.

Горевала я тогда долго. Такая черная тоска накатывала от жалости к подруге и тем троим врачам, что передать тебе не могу. Запрещала себе даже заглядывать в ту сторону, боялась, что сознание не выдержит: не дай Бог увидеть, что с ними случилось. А когда немного отпустило, безысходность злостью сменилась, стала искать мразь эту, что девчат продал. Но только сейчас, чувствую, в цель попала. Знаю, что предатель этот паскудный, который здесь орудует, он и подругу мою тогда на смерть лютую отправил. Только кто он?

* * *

— А я вам еще раз говорю, Игорь Андреевич, что Ханкала недовольна, как мы боремся с бандой. А вернее, никак не боремся. Хвост поджали и сидим ровно, — горячился начальник штаба, подполковник Лимонов. Соответствовал он своей фамилии и легкой желтизной кожи, и постоянно кислым выражением лица. Василевский слушал его, силой подавляя раздражение. Игорю давно были ясны амбициозные потуги этого вояки. Хотелось тому, ох как хотелось признания и государственных наград.

Начштаба расхаживал по палатке, размахивая руками и накручивая себя все больше, пытаясь донести главную мысль командования, живописал дальнейшее направление действий отряда.

— Генерал не простит нам нашего малодушия и потерь, которые мы несем. Если, Игорь Андреевич, вы не боитесь потерять должность, можете и дальше мириться с тем, что у нас под носом боевики безнаказанно что хотят, то и делают.

Лимонов остановился и требовательно посмотрел на командира отряда. Он уже сел на любимого конька и был в роли обличителя трусости и профнепригодности. Помимо подвигов и орденов, хотелось ему еще и соответствующую должность. Один близкий родственник, не последний человек, кстати, в Министерстве, обещал походатайствовать перед кем нужно и советовал самому не теряться и проявлять разумную инициативу, но аккуратно, без фанатизма.

Все это Василевский знал, а также понимал, что несостоявшийся политрук Лимонов хоть и зазывает пойти и всех победить, но сам надеется, пока другие будут жилы рвать, отсидеться в КШМ на прямой связи с руководством. Игорь взглянул на скучающего Васеева: тот увлеченно разглядывал шариковую ручку и, казалось, пламенную речь начштаба не слушал, но, почувствовав взгляд друга, с наигранным подобострастием в голосе вдруг заявил:

— Абсолютно с вами согласен, уважаемый Константин Владиславович. Распоясались бандиты, дальше некуда. Пора их депортировать, по примеру, который подал нам дорогой вождь Иосиф Виссарионович, в двадцать четыре часа. И я, как истинный сталинист и почти коммунист, готов хоть сейчас выдвинуться под вашими знаменами. Вы, товарищ подполковник, какого коня предпочитаете, белого или каурого?

Лимонов остановился, не поняв с ходу речи майора, пробормотал:

— Какого коня?

— Того, на котором вы нас в смертельный и несомненно праведный бой поведете.

Майор преданно смотрел на ошарашенного Лимонова. Через минуту до него дошло Вовкино шутовство, и, побагровев, он рявкнул:

— Издеваетесь! Что ж, вынужден доложить руководству о вашей трусости и некомпетентности, — и почти бегом выскочил из палатки.

Игорь и Володя проводили его взглядом.

— Вот ведь дурака кусок на нашу голову, — процедил Васеев, с которого моментально слетело идиотское выражение лица, — вояка хренов, хочет чужими руками жар загребать и дырки себе на кителе сверлить.

Игорь вздохнул:

— Да уж, Вов, один такой соратник — и врагов не надо. Стучать, сука, побежал. Так что через пару дней к выходу готовься. Он сейчас эту тему грамотно в уши вдует. А я, наверное, буду к пенсии готовиться, хватит, навоевался.

Друг только рукой махнул:

— Остынь. Бодливой корове рогов по штату не положено. Но выход не за горами, ты прав. Давай, командир, карту, будем думать, откуда этот пирог откусить.

* * *

Лимонов слово свое сдержал, и кому надо пожаловался. Через несколько дней Василевский имел весьма неприятную беседу, а также получил распоряжение в ближайшее время провести операцию по выявлению и уничтожению орудующей на его территории банды. Срок на все про все — месяц. В противном случае строптивому офицеру пообещали самый что ни на есть пристрастный разбор полетов и рассмотрение вопроса о соответствии занимаемой должности. Еще через день начальник штаба, с полным сознанием собственной значимости, преподнес неизвестно откуда взятую секретную информацию о возможном нахождении активных членов бандформирования.

Василевскому по-мальчишески нестерпимо хотелось превратить в сочный фарш его высокомерную морду, но приходилось сдерживаться. Игорю в беседе настоятельно посоветовали отношения с Константином Владиславовичем не обострять.

Приступили к разработке предстоящего выхода, расстановке сил и средств. По имеющейся вроде как агентурной информации, духи последнее время отсиживаются в селе по трем адресам. Решили разделить на три группы захвата и ударить

одновременно по всем. Первую, которая должна была штурмовать дом, где, по сведениям, находился сам Касумов, возглавил майор Васеев. Игорь, хоть и переживал из-за недавнего ранения друга, понимал, что лучше Володьки с заданием не справится никто. Тот лишь кивнул, невольно коснувшись рукой скрытой свитером повязки. Вторую — капитан Крушнов. Третью — командир первой роты, майор Лозовой. Общее руководство было за Василевским и Лимоновым, который мысленно уже примерял себя на новую, вожделенную должность.

Ранним воскресным утром выдвинулись настолько скрытно, насколько было возможно при проведении такой масштабной операции. Перед населенным пунктом разделились, рассредоточив подобие заслона на случай, если бандиты попытаются прорываться из села через заходящие с разных направлений группы захвата.

Одновременный штурм, конечно, хорошо, но... Первым отрапортовал Васеев: адрес был пустым. Последующая зачистка дома и прилегающей территории не дали никакого результата: не было и следа главаря банды и его подручных. Выглянув из проломленных ворот БТР, Володя запрашивал, нужна ли помощь двум другим группам. Но у остальных была такая же пустышка. В доме, куда ворвалась группа Лозового, обнаружили старика и несколько женщин непонятного возраста. Те уверяли, что никого, кроме них, в доме нет, и беглый осмотр это подтверждал.

Крушнов, выйдя во двор после бесполезного штурма, в полной растерянности разглядывал абсолютно пустой дом. Внутреннее чутье подсказывало, что совсем недавно здесь были бандиты, но наспех собрались и убыли в неизвестном направлении. Опыт не давал расслабиться, и он крикнул солдатам, чтоб внимательнее смотрели под ноги и остерегались сюрпризов. Вдруг интуиция заставила резко развернуться в сторону сараев, вскидывая автомат, но ощущение, что опаздывает на доли секунды, уже придавило своей неотвратимостью. Замаскированная крышка лаза с грохотом и отлетающими комьями грязи распахнулась, и оттуда выскочил чеченец с зеленой повязкой на голове и наведенным пулеметом.

— Аллах акб... — и тут боевика с разворотом резко рвануло в сторону. Снайпер четко всадил пулю в плечо, а калибр 7.62, хорошо зная свое дело, практически оторвал руку, еще мгновение назад сжимавшую рукоятку ПК.

Крушнов, не удивляясь столь быстрой смене неудачи удачей, в два прыжка достиг поверженного бандита. На ходу забросив автомат за спину и вырвав из разгрузки нож, всем весом навалился на извивающееся тело и с нажимом упер клинок в небритый кадык.

— Где остальные, гад? — прошипел в побелевшие глаза капитан.

Чечен трясся под ним, сдавленно сипя. Саня потряхнул бандита за полуоторванную руку и, когда тот наконец смог вдохнуть после собственного крика, приставил острие ножа к его глазу:

— Либо ты говоришь, где банда, либо я тебе сейчас глаза вырежу и отпущу на все четыре стороны.

Нохча, гортанно забулькав и инстинктивно пытаясь отодвинуться от нависшей угрозы, затараторил:

— В горы ушли. Предупредили нас, что зачистка будет. Я один остался, чтоб отход прикрыть.

— Кто предупредил? Говори! — уже почти орал Крушнов.

— Не знаю! Я рядовой боец. Ничего не знаю, мамой клянусь, — он обреченно заскулил.

Крушнов, убрав от его глаза сталь, одной рукой приподнял за лямку оснащения и уже спокойно спросил:

— Знаешь, падаль, чья это разгрузка?

По лицу бандита проскользнул нескрываемый страх:

— Нет, клянусь!!!

— Врешь. Вижу, что знаешь, — как — то слишком спокойно ответил капитан. — Разгрузка эта друга моего, Федора.

И, без паузы, с силой вогнал лезвие по рукоять в глотку врага, перебивая пульсирующую артерию.

— Ну как, легче стало? — сзади стояла Тамара.

— Стало. — Крушнов тяжело поднялся, отпустив лямку разгрузки, и еще дергающееся в агонии тело мешком плюхнулось к его ногам, забрызгав берцы кровью. — Спасибо тебе.

— Это не мне, а Кирюхе спасибо. Не реакция, а взрыв. Я понять ничего не успела, как она уже на крючок надавила.

— За уверенность, что найду их, спасибо... и за знак тоже, — и благодарно, одними глазами улыбнувшись Тамаре, устало пошел к машинам.

* * *

Лежка никуда не годилась. Не удобная и плохо маскирующая с одной стороны, но только с этой точки была хорошо видна небольшая поляна в низовье горной реки. Тянуло туда Тамару ее никогда не подводившее чутье. Подсказывало, что надо ждать и результат будет. А ждать она умела и Кирюху этому учила. Уже не первый раз они скрытно от всех выдвигались в это место. Знал об их выходе лишь Василевский. Переживал и неодобрительно покачивал головой из-за таких долгих одиночных походов за территорию расположения. Но Тамара была непреклонна, опасаясь очередной утечки.

— Все будет хорошо, Игорь Андреевич, мы второй фронт открывать не будем. Будем только тихонько ждать и наблюдать. Очень уж удобное место для тех, кто пытается прятаться в горах. Чувствую, что должны они там появиться. Вот тогда разведку подключим и зайдем к ним в гости, когда бандиты меньше всего ожидать будут. А сейчас что, может, подводит меня озарение?

— Тебя-то? Ладно, действуйте, но осторожно. Никаких подвигов. — И подполковник дал добро, организовав им скрытый выход и вход. И вот уже который раз лежали они, устроившись для длительного наблюдения. Все кругом как обычно. Небольшие шапки снега покрывали огромные валуны по берегам незамерзающей горной реки. Деревья стояли, замерев, не шелохнувшись. Горные хребты кутались в низкие, тяжелые облака. Зима все же добралась до этих мест, замедлив быстро текущую жизнь. Протяжно вскрикнула какая-то птица. Хрустнула ветка, потянуло дымным запахом от пропахшей у костра одежды. Все это моментально вырвало из задумчивости и умиротворенного созерцания природы. Снайперы поняли: дождалась. Тихо и осторожно со стороны пологого горного склона спускалась одетая в натовские пятнистые маскхалаты группа. Остановившись на поляне и оглядевшись, разделились. Каждый занялся своим делом. Несколько человек что-то полоскали в зимней спокойной реке, ловко балансируя на скользких камнях. Трое быстро откопали у кустарника оружейный зеленый ящик и пытались его вытащить на поверхность. По их усилиям было понятно, что он полон. И только один, закутив, спокойно стоял и задумчиво разглядывал противоположный берег. Вдруг все напряженно замерли, подтянув к себе оружие. Стоявший главарь резко обернулся. Из леса появилась фигура в армейском камуфляже. По тому, как все быстро опять занялись прерванными делами, стало понятно, что этот человек им знаком и угрозы не представляет. Тот подошел к главарю, и они, поздоровавшись, отошли в сторону, о чем-то тихонько разговаривая.

— Вот ведь мразь! — протянула Тамара, узнавая вышедшего из леса человека. — Лежи здесь и наблюдай, а мне переговорить с ним надо. По счетам платить пора, — шепнула она Кире, когда человек, спрятав за пазуху внушительный сверток, быстрым шагом направился в лес, откуда вышел. И выскользнула из лежки.

Кира кивнула и продолжала в прицел всматриваться в копошившихся неподалеку людей, пока не услышала шорох, удивившись, что напарница так быстро вернулась.

— Ну что? — Она обернулась и вздрогнула от неожиданности, увидев над собой бородатого мужика. Улыбнувшись, он с силой ударил ее по голове прикладом автомата.

* * *

— Зарплату получил, Иудушка? — издевательски протянула Тамара, бесшумно выходя на тропу из-за деревьев.

Мужчина шарахнулся, занятый своими мыслями, и чертыхнулся:

— Тьфу ты! Следишь за мной, ведьма?

— Сам на меня набежал, но я не в обиде. Вот только одно понять не могу: чем тебя зацепили бандиты, что ты всех нас предал?

— Чем, — протянул он, пытаясь незаметным движением стряхнуть с плеча убранный за спину автомат, но тот, зацепившись за погон, качнулся, да так и остался на месте. — А тем, что ненавижу вас всех. И размазю Василевского, на месте которого должен быть я. Я больше его заслужил быть командиром. И тебя, тварь всезнающую, за то, что строишь из себя недотрогу. И солдат этих убогих, трусливых, которые только и мечтают домой попасть да под подол мамкин спрятаться. Всех вас ненавижу.

— Ты слюнями не брызгай. Хочешь, расскажу, как я все это вижу? История твоя банальна до невозможности. Был ты офицером грамотным и смелым. Лихим и бесстрашным. Делами доказывал, что ты лучший. И в какой-то момент поверил, что поймал военную птицу удачи за хвостик. Да вот только в этот самый момент осечка вышла, и на одном из заданий нарвалась твоя рота на засаду. К тому моменту, когда кончились патроны, погибли почти все, кроме тебя да еще пары молодых пацанов, но и вам выхода не было. Зажали вас грамотно и жестко. Смерть твоя стояла пред тобой, ожидая, когда ты разожмешь ладонь с гранатой. Да только не смог ты этого сделать. Чеченец у тебя гранату забрал. А потом ты же ему и рассказал, кто ты да откуда, а он предложил то, от чего ты не смог отказаться, — жизнь, да еще деньги, до которых ты всегда охоч был. Взамен, правда, заставил убить тех двоих солдатиков и все это на видеокамеру снял. Вот так поступил ты на службу к бандитам. И все у тебя ладненько пошло. Только вот совесть иногда, в самом начале, еще будила по ночам, но потом ты сумел и ее придушить. Действовал ты талантливо да изворотливо, так, что даже друзья подумать на тебя не могли. Вон, не побоялся и засаду сам на себя устроить, чтоб все взаправду выглядело. Парней подставил. Ну да тебе не привыкать сослуживцев в расход пускать. Так что ты мне здесь военные песни не пой, касатик. Лучше расскажи-ка, каково тебе было деньги тратить, которые ты за Ритку и остальных девчат получил. Это после того, как она тебе осколки из руки вытянула и от гангрены спасла.

— С удовольствием! — взвизгнул предатель и, некрасиво скалясь, рывком попытался перекинуть автомат. Не успел. Тупорылая пистолетная пуля, свернув переносицу, с характерным хрустом лопнувшего арбуза вынесла затылок. Он невразумительно хрюкнул, закатил мгновенно остекленевшие глаза и тяжело опрокинулся навзничь, проломив снежную корку.

Тамара, убирая «Макарова», подошла и пристально, как бы сканируя, вгляделась в распростертое тело. Потом наклонилась и резким движением сорвала с шеи какой-то старинный оберег.

— Магия, твою мать, — усмехнулась она и поспешила обратно.

* * *

Кира несколько раз с трудом выныривала из липкого, пульсирующего забытья. Но дикая, разрывающая голову боль ввергала обратно, так что она успела только ощутить, что тащат ее за ляжку от разгрузки, волоком по мерзлой земле. Страх птицей бился в груди, опять и опять заставляя приходить в себя. И, собрав силы, она смогла наконец сфокусировать взгляд и увидеть, что ее окружают бородатые чеченцы и, глядя на нее, довольно щерятся:

— Попалась, ведьма!

Стон прорвался от понимания произошедшего, и она тщетно попыталась вырваться, но, когда один из бандитов ударил ботинком в лицо, тошнотворная темнота опять окутала ее. Правда, перед тем, как сознание в очередной раз потухло, успела заметить затуманенным от боли взглядом, как мечется за прозрачными ветками кустарника и обледеневших деревьев, преследуя их, огромная, бесформенная, черная тень.

— Спаси меня, — прошептала она беззвучно разбитыми губами и провалилась во мрак.

Шли бандиты долго, все дальше углубляясь в труднопроходимые места. Пока, выдохнувшись, не решили сделать привал. Удивляясь, как такая маленькая и на вид хрупкая девушка может быть настолько тяжелой. Подумали, что сам шайтан тянет к земле, мешая им тащить ее до хорошо скрытой базы. Когда обессиленно расселись на поваленных деревьях, с проклятиями швырнув окровавленную добычу на мерзлую, припорошенную землю, и закурили, стали вслух решать, надо ли тащить ее дальше или лучше разделаться с ней прямо здесь. Но легкой смерти снайперу никто не желал, поэтому сошлись на том, что надо собраться с силами и дотянуть до базы, где и ответит эта тварь за все. И вот когда они решали, как медленно и с удовольствием будут резать эту русскую на куски, к ним, не пошевелив на ветках снег, вышла женщина, настолько нереальная здесь со своими распущенными ярко-каштановыми волосами и изумрудными глазами, что чеченцы сначала подумали, что это наваждение от усталости, и лишь секундой позже вскинули автоматы, уперев в нее черные стволы.

— Отпусти ее, Усман. Это не та, которую ты искал, — сказала она бесстрастным, спокойным голосом.

Главарь в непонимании уставился на нее.

— Слышишь, что я тебе говорю, Касумов? Я, Ведьма.

Он уже оправился от неожиданности и, вскочив, попытался выстрелить, но оружие дало осечку. Судорожно передернув затвор, пробормотав проклятие, повторил попытку, но тщетно: ударник опять щелкнул вхолостую.

— Отпусти ее, и мы с тобой сможем поквитаться, а иначе не взять вам меня.

Равнодушно окинула присутствующих холодным взглядом, остановилась на самом молоденьком и, уперев в него указательный палец, сказала:

— Слушай ты, Макка Дадаев, сын Руслана Дадаева, внук героя отечественной войны Хамзы Дадаева, и запоминай. Сейчас ты возьмешь девчонку и потащишь обратно, до самого расположения отряда. Передашь ее часовым и вернешься домой, там родные тебя заждались. Не твоя это война. Но запомни: если остановишься и выпустишь из рук разгрузку до того, как доберешься до нашей базы, в тот самый момент умрет твоя мать. Веришь мне?

Парень кивнул, судорожно дернув острым кадыком, и, как завороченный, взялся за разгрузку и потащил снайпера обратно — туда, откуда они пришли.

Усман удивленно проводил его взглядом, но ничего не сказал.

Когда парень с тяжелой ношей скрылся в сумраке темнеющего леса, Тамара оглядела всех бандитов, и по ее лицу скользнула еле заметная ухмылка.

* * *

— Товарищ подполковник! Товарищ подполковник! — в палатку вбежал запыхавшийся солдатик и, встав как вкопанный перед ошарашенным Василевским, судорожно начал хватать воздух, чтоб восстановить дыхание, — там чеченец какой-то приполз ненормальный. Кирюху притащил. А сам бормочет ерунду какую-то и намертво в разгрузку ее вцепился, так что оторвать не смогли. Пришлось Киру из нее доставать. А после того как майор Лозовой ее в медчасть унес, вообще не в себе стал: рыдал и кому-то все время объяснял, что он все выполнил, что должен был, и просил пожалеть его мать. На расспросы не отвечает и, по-моему, вообще не совсем понимает, где он находится.

— С Кируй что? — накидывая на ходу бушлат, кинул Василевский.

— Не знаю. Голова разбита. Без сознания. Сейчас у врачей, — докладывал солдатик, поспешая за быстро идущим командиром.

— А Тамара где?

— Не знаю, товарищ подполковник.

Молоденький чеченец, весь грязный, в разодранном маскхалате, был в самом деле на грани помешательства. Обессиленно привалившись к блоку, размазывал слезы грязными руками, из которых так и не выпустил разгрузку, и разговаривал с темнотой. Добиться что-либо от него не представлялось возможным, и Василевский, махнув рукой, сказал:

— Этого тоже в медчасть!

Солдатики его еле подняли и, поддерживая под локти, повели в сторону палатки медиков. Он понуро, пошатываясь как пьяный и спотыкаясь, плелся, продолжая прижимать к груди окровавленную Киру разгрузку, что-то тихонько бормоча и всхлипывая.

А Игорь уже отдавал команды, снаряжая группу для поиска, пытаясь уgomонить рвущееся из груди сердце

* * *

Кира пришла в себя на следующий день, ближе к вечеру. Со стоном вынырнула из болезненной, мутной темноты и, сразу все вспомнив, стала испуганно оглядываться вокруг. Еще не понимая, где находится, попыталась приподняться, но сил не хватило, и она обессиленно рухнула обратно на подушку. Липкий холодный пот тягуче скатывался по лицу и телу. Жар затуманивал сознание. Страх попавшего в западню зверя душил ее, прихватив спазмом горло. Даже оглушительная боль не могла заглушить единственную мысль, пунктиром бьющуюся в мозгу: надо бежать! К ней метнулся док, удержав от порыва скатиться с кровати, и начал шепотом, улыбаясь, доходчиво, как ребенку, объяснять, что все хорошо и она у своих, что все будет хорошо. И сейчас ей надо только немного отлежаться и подлечиться. На его слова, что у нее на удивление крепкая голова, а с виду он бы и не сказал, она впервые за эти сутки улыбнулась, чем несказанно обрадовала дока, и тот начал шутить и балагурить, чтоб отвлечь ее от мрачных мыслей. И только когда Кира, успокоен-

ная дружеским участием, опять провалилась в беспокойный сон, заменил лекарство в капельнице и, вздохнув, отошел от нее, сокрушенно пробормотав:

— Ох, девчонки — девчоночки...

В следующий раз, когда она пришла в себя, к ней зашел Василевский. Тихонько сел на стул рядом с кроватью и по-отечески, с теплотой в голосе, спросил, как она себя чувствует.

Чувствовала она себя плохо. Голова кружилась и разламывалась от пронизывающей острой боли. Рассеченная кожа, стянутая швами, нестерпимо ныла. Перед глазами плавали чернильные пятна, и при каждом вздохе к горлу подкатывала тошнота. Но Кира прошептала обметанными от жара губами, что хорошо. А еще спросила, где Тамара? Игорь вздохнул и, немного помявшись, решая, рассказывать Кире или подождать, когда ей станет лучше, поведал, как притащил ее полоумный чеченец. Как они поспешили по оставленному следу и шли долго, ночным лесом, только к утру выйдя на небольшую поляну. И, как следовало из увиденного, Тамара подорвала себя вместе с бандитами. Вот и все, конец банде Касумова. А еще пропал Вовка Васеев. Правда, до этого всего, днем.

Кира сглотнула и, еле разлепляя запекшиеся губы, прошептала:

— Васеев предатель. Он сливал все бандитам.

После того, как оглушенный последней новостью командир, пожелав скорейшего выздоровления, ушел, к ней зашел Крушнов и рассказал, что не все так просто в исчезновении Тамары. Он лично возглавлял группу поиска, и когда они вышли на эту злополучную поляну, то по ней, действительно, были раскиданы разодранные тела бандитов, но вот останков Тамары не было, как не было и воронки, которая, судя по разрушительной силе взрыва, должна была быть внушительных размеров.

— Может, жива, — прошептала Кира, проваливаясь в спасительный сон.

А ночью резко повеяло корицей и ночным зимним лесом. Кира открыла глаза, обрадованно попыталась приподняться навстречу подруге. Но голова закружилась, и она обессиленно откинулась обратно. Тамара, вынырнув из темноты, бесшумно подошла и села на край кровати, погладив ее по голове. От этого прикосновения боль и тошнота стали проходить.

— Кира, девочка моя, пришло время прощаться. Только не будет мне покоя, если не передам силу свою. Возьми меня за руку, освободи меня. — И женщина протянула ей руку.

— Не уходи, — прошептала Кира, со слезами глядя на подругу.

— Не могу. Прости. Я все сделала, что должна была. Больше здесь делать мне нечего. А ты будешь служить дальше.

И Кира, не отводя глаз от лица напарницы, протянула руку и сжала теплую, живую ладонь.

— Прощай, — пронеслось в голове, и видение растаяло, как будто и не было ничего. А девушка провалилась в крепкий, без сновидений, спокойный сон.

Эпилог

Год спустя. Пятилетний Пашка играл в парке в пограничника. Сначала, конечно, он очень расстроился и даже всплакнул из-за того, что старший брат с друзьями не взяли его играть с ними в футбол. Но он действительно был мал и не так быстр и ловок, как девятилетний Костя и его товарищи. Поэтому быстро взял себя в руки и решил играть самостоятельно. Правда, иногда украдкой поглядывал на мальчишек, которые увлеченно гоняли мяч и на Пашку не обращали внимания.

— Я пограничник. И я охраняю границу нашей Родины, — приговаривал он, сжимая пластмассовый автомат и отмеряя шагами прочерченную прямую.

— Товарищ пограничник, разрешите мне нарушить государственную границу и пройти на сопредельную территорию.

Пашка обернулся и увидел улыбающегося мужчину, стоявшего перед чертой. Свел на лбу бровки, всем своим видом изображая тяжелое раздумье: что надо делать с нарушителем границы? Мужчина подсказал, что, несомненно, он должен сдать его своему командиру, и уже тот будет решать его дальнейшую судьбу. Тогда Пашка важно сообщил, что он и есть командир погранотряда. Мужчина удивленно, восхищенно всплеснул руками и, смешно запричитав, коверкая слова на иностранный манер, сказал, что сдается на милость такого юного, но определенно очень отважного командира.

Мальчику очень понравился этот взрослый дядя, который не спешил уйти и легко втянулся в игру. Мужчина подошел и, протянув руку, пожелал познакомиться с героем, сказав, что его зовут Игорь. Мальчик заулыбался, радостно сообщив, что и его папу зовут Игорь. Только он сейчас на службе. Мужчина кивнул и, вдруг заговорщически подмигнув, спросил:

— А почему у такого замечательного пограничника нет собаки?

Пашка задумался. Ему ужасно хотелось собаку, немецкую овчарку, как у соседки Юльки. Но мама не одобряла его желания.

— Понимаю. Родители против. И у меня в детстве так же было. Но однажды я принес домой замечательного маленького щенка, он был такой хорошенький, что родители разрешили его оставить.

Мальчик слушал, приоткрыв рот, забыв про все на свете.

— Знаешь, Павел, а ведь тут недалеко живут несколько чудесных щенят. Можно выбрать одного, и тогда я сам схожу к твоей маме и уговорю ее оставить маленького песика.

Пашка кивнул и доверительно вложил ладошку в большую, немного шершавую ладонь незнакомого мужчины, только мельком взглянув в сторону старшего брата и решив, что они быстро сходят, возьмут щенка и вернуться, так что Костя даже не заметит, что он куда-то отлучался.

* * *

Кира возвращалась со службы. Выйдя за территорию бригады и глубоко вдохнув морозный воздух, решила пройтись и свернула в парк. Не торопясь, девушка шла по расчищенным аллеям, размышляя о предстоящем Новом годе и подарках для родных и друзей. Недолго постояв и полюбовавшись на лихо играющих футболистов, решила купить мороженое и направилась к киоску. Прошла мимо увлеченно разговаривающих отца и маленького сынишки. Скользнула взглядом по лицу мужчины. И, сделав по инерции еще несколько шагов, встала как вкопанная и медленно обернулась. Незнакомец, несомненно, не был отцом ребенка, а то, что она увидела в глазах мужчины, всколыхнуло отвращением все ее нутро, вызвав из глубин жуткую, неконтролируемую злобу. Мужик, почуяв что-то и увидев ее изменившееся лицо, быстро выпустил руку мальчика, кинув:

— В другой раз, — и быстро скрылся в густом заснеженном кустарнике.

Мальчик растерянно проводил его взглядом, не понимая, что произошло и почему его новый взрослый друг так быстро убежал. К нему подошла Кира и, сев перед ребенком на корточки, доверительно сказала:

— Пашка, не огорчайся. Потерпи немного. В этот Новый год подарят тебе родители самую замечательную собаку на свете. Только, чур, об этом молчок. Идет?

И мальчик, улыбнувшись, так что на румяных щечках обозначились глубокие ямочки, скороговоркой пообещал:

— Честнопограничное!

— Верю, боец. А сейчас беги, а то тебя брат ищет.

И мальчик, быстро кивнув на прощание, побежал к брату, не желая того огорчать. Девушка проводила его взглядом, несколько раз махнув на прощанье, а через секунду, затвердев лицом, отточенным движением хищника рванула в заросли, где скрылась нежить в человеческом обличье. Кира точно знала, что догонит и что в судьбе ублюдка уже поставлена жирная точка.